Выбор из худшего

Автор:
Алексей Гришин

Выбор из худшего

Алексей Гришин

Вторая дорога #4Попаданец (АСТ)

Ветеран российской контрразведки волею случая стал дворянином в магическом мире, но это не принесло ему легкой жизни. Он раскрывал преступления и совершал подвиги, попадал в жернова интриг и лишался дворянства. Все преодолел, поднялся к вершинам. Но у больших людей большие враги, которые ничего не забывают и ничего не прощают.

И вот корабли, уходящие из города, за судьбу которого ты отвечаешь, исчезают и тонут, а в окружении короля появляется фальшивый родственник, рвущийся к власти и мечтающий смешать с грязью и тебя, и твоих покровителей. А самому искать разгадки некогда – вельможная служба не позволяет.

Поэтому на помощь приходят друзья. Только тернист путь тайного агента. О славе и почете придется забыть. Однако все это мелочи. Страшно то, что слишком часто приходится выбирать, и выбирать из худшего. Из многих зол, из многих грехов выбирать наименьшие. И главное на этом пути – несмотря ни на что, сохранить в себе человека.

Алексей Гришин

Выбор из худшего

© Алексей Гришин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие автора

Прошло полгода с того грустного момента, когда я закончил работу над серией книг «Вторая дорога». Расстался со своим героем, коллегой… другом? Не знаю, как вообще можно назвать человека, которого никогда не видел, но о чьей судьбе думал каждый день, каждую свободную минуту? И о котором рассказал все, что знал, все, о чем мог догадаться.

Да и был ли он на самом деле? Разум говорит, что нет, конечно же нет, разумеется, нет! Мы ведь все серьезные, образованные люди. А мечта? Что мечта? Она смешная, наивная, наверное, даже глупая. Вдобавок в упор не желающая признавать практичные, научно обоснованные, подкрепленные такими логичными аргументами истины.

Неправильная она, одним словом. Но почему-то с ней уютно. И иногда, тихим вечером или ранним воскресным утром, рука сама тянется к ящику в прикроватной тумбочке, где до сих пор лежат те тетради, которые когда-то мне передал мой сослуживец. Исписанные старомодными чернилами, на странном языке, лишь похожем на современный французский. Я вновь и вновь перечитываю знакомые страницы.

Зачем? Ведь ничего нового о своем герое я уже не узнаю. Если только…

Есть там несколько записей, скорее кратких справок о проведенных расследованиях или, точнее, решенных проблемах, составленных в неподражаемом духе сухих официальных докладных. Кратко, скупо и четко: какая ситуация сложилась, какие силы задействовались в ее разрешении, чем все закончилось и кто отличился. А уж какой ценой был достигнут результат, чего он стоил этим самым отличившимся, об этом в таких документах сообщать не принято, ибо лирика никому не интересна.

Или все же интересна, а?

Я не знаю, как это было, да и было ли вообще, но попробовал представить, как могло быть.

Часть первая. Лучшие цветы Эдинбурга

Видеть то, осуществления чего требует долг, и не сделать – есть отсутствие мужества.

Конфуций

Лондон. Тауэр. Кабинет императора

– Как я понимаю, убийца моего племянника стал для нас недоступен?

– Увы, ваше величество, виконт де Камбре… кто мог предполагать, что безродный амьенский полицейский окажется дворянином, кавалером трех высших наград Галлии да еще и героем галлийских баллад, а в конце концов станет королевским интендантом, личным представителем короля в Пикардии? Теперь, если его смерть свяжут с империей… не дай бог, от такого скандала наши дети не отмоются.

– Прекрасно! Можно сказать, замечательно. Значит, этот урод будет наслаждаться жизнью, купаться в роскоши, а поражение страны, гибель лучших бойцов, магов, флота, демон побери! Их гибель и мое, мое горе так и останутся неотомщенными?

– Ни в коем случае, сир! Я хочу лишь сказать, что для решения вопроса потребуется больше времени. Поверьте, мои люди не сидят сложа руки. Но, согласитесь, смерть высшего государственного чиновника недопустима. Однако жизнь простого галлийца, да пускай даже виконта и героя, кому она интересна?

– Думаете? А что, пожалуй… И дорого нам встанет это низвержение господина интенданта? Дело, слов нет, хорошее, но в казне пусто… потянем такие траты?

– Какие траты, о чем вы, государь? Нет, мы планируем лишь доходы. Те, что приведут славного барона де Безье, то есть теперь уже виконта де Камбре, вначале в изгнание, а потом и в наши теплые объятия. Смертельные, если вы пожелаете.

– Непременно пожелаю. Делайте все, что считаете нужным. Я жду результата.

Глава I

Как хорошо быть генералом,

Как хорошо быть генералом,

Лучше работы я вам, сеньоры,

Не назову!

М. Танич

Амьен. Кабинет королевского интенданта Пикардии

Шикарный кабинет знатного вельможи. Узорчатый, лучшими мастерами выложенный паркет, украшенные резьбой по светлому, словно изнутри светящемуся дереву стены, огромный, отделанный темным, почти черным базальтом, камин и окна! Тоже огромные, невероятно дорогие, сквозь которые льется в комнату радостный весенний свет, даря тепло и поднимая настроение на самых скучных совещаниях.

За рабочим столом из красного дерева сидит ОН. Славный герой, единственный за всю историю Галлии кавалер трех звезд, чье имя известно каждому галлийскому мальчишке, королевский интендант в Пикардии, бывший барон де

Безье, лишенный когда-то дворянства, но сейчас, милостью его величества короля Галлии Эдмонда IV возведенный в титул виконта Жан Огюст де Камбре барон де Безье, уф-ф. Представил, наконец. А о том, что восемь лет назад в теле погибавшего мальчишки, барона де Безье, оказался российский пенсионер, бывший полковник контрразведки Борис Воронин, впоследствии получивший титул этого самого виконта, об этом, будем считать, читателю известно. Так что перейдем, наконец, к истории.

Ой нет, еще немного. Напомним, что почти семь лет назад, будучи курсантом Военной академии, расположившейся в небольшом городишке Клиссон, этот самый де Безье, единственный за всю историю этого мира, прошел обряд отказа от магической силы. Он лишился возможности колдовать, что здесь доступно всем дворянам, не говоря уже об особо одаренных магах. Однако взамен получил уникальную способность не только видеть чужие заклятья, но перехватывать и даже изменять их. И еще – только он видит у способных к магии людей «ауры», по которым может определять как силу магов, так и их родство.

Вот теперь точно все. Можно продолжить рассказ.

Сейчас сей великий муж двадцати трех лет развалился в кресле из нежнейшей вишневого цвета кожи и неимоверно скучал, с трудом подавляя желание зевнуть от всей, все еще по-русски широкой, души. Вот уже полчаса, как он вынужден выслушивать нескончаемые жалобы какого-то барона о нескончаемых притеснениях со стороны своего сеньора – графа Амьенского. И налоги тот дерет нещадно, и спор с соседом решил не в его пользу, а самое главное, о, это просто ужасно, не пригласил на бал, что состоится на следующей неделе. И не будет ли столь любезен господин виконт, как представитель его величества, повлиять на господина графа к его, господина барона, пользе. А уж мы… да непременно… да со всей душой… короче, только скажите сколько.

Подобные визиты за три месяца, прошедших со дня вступления в должность, наносились регулярно и успели уже изрядно надоесть. Но куда деваться – приходится терпеть, выслушивать, многозначительно кивая, делать какие-то пометки в своих бумагах, чтобы потом благополучно забыть об очередном благородном искусителе. Ничто не ново даже под иномирной луной – оборотистые господа всеми силами стремятся подсадить на крючок взяток очередного начальника. Фигушки – плавали, знаем.

Ну, вроде закругляется клиент.

– Разумеется, барон, я обязательно переговорю с его сиятельством, все будет в порядке, уверяю вас. А благодарность… да бог с ней, не беспокойтесь, мы же все в Пикардии живем, должны друг другу помогать. Сегодня я вам, завтра вы мне. Как? Об этом мы как-нибудь обязательно поговорим, но в другой раз. А сейчас до свидания, был рад с вами пообщаться.

Уф, наконец-то ушел, можно и отдохну-уть. Кстати, время обеденное, надо бы к супруге пройти, вместе и откушать.

– Кола! – Жан позвонил в колокольчик, вызывая секретаря.

Шевалье де Сите неполных двадцати лет от роду был рекомендован для этой работы супругой, приходился ей каким-то дальним родственником, был черноволос, долговяз, худ, смышлен, аккуратен и беден как церковная мышь.

Своему благодетелю он был обязан буквально всем, от роскошных костюмов до изысканной шпаги дорогой толедской работы. Лишь дешевые четки, как память о родителях, оставил себе молодой человек из всего, с позволения сказать, имущества, которым владел до того, как впервые вошел в этот дом. Потому на начальника он смотрел преданным взглядом, прекрасно понимая, что второй раз такая синекура ему не выпадет никогда.

– Кола, узнай на кухне, когда будет готов обед. И передай виконтессе, что я буду у нее минут через пять.

– Будет сделано, ваша милость, но… – де Сите замялся.

– Что, еще кто-то ждет приема? Если не граф, пусть подождет, я не желаю получить язву из-за очередного кляузника!

– Как скажете, но я подумал, что шевалье де Ренард вряд ли пришел с кляузой…

– Ренард?! Другое дело, передай на кухню и супруге, что сегодня мы обедаем с гостем – думаю, виконтесса будет ему рада!

Глава купеческой гильдии Амьена Ренард пару лет назад выкупил себе наследственное дворянство и теперь очень ревностно относился к приставке «де», которая никак не сочеталась с его простонародной фамилией и служила предметом частых шуток среди благородного сословия. Но только строго в его отсутствие: этот оборотистый господин наглецов на дуэль не вызывал – он их разорял и пускал по миру только что не голыми. Бывали уже прецеденты. Впрочем, де Камбре, на правах старого друга и родственника – его брат был женат на дочери этого шевалье, – суровой мести не опасался, но из тех же соображений фамильярничал лишь вот так, в кругу своих.

– Прошу прощения, но он просит поговорить с вами наедине…

М-да… придется отложить обед… жаль, конечно, но Ренард просто так, из-за пустяка просить об аудиенции не будет. Придется выслушать.

– Хорошо, приглашай. И, Кола, принеси бутылочку вина, а то уж совсем неудобно получается – отец невестки, все-таки почти тесть.

Де Сите вышел, и за дверью раздалось могучим баритоном:

– Шевалье де Ренард к господину интенданту! – Сильный голос у секретаря, а по внешности и не скажешь.

Худощавый, невысокого роста, Ренард в роскошном кафтане, сшитом по последней моде, вошел слегка ссутулившись, неуклюже пытаясь изобразить церемонный шаг, каким опытные придворные щеголяли в королевском дворце. Именно по такому шагу эта публика опознает своих, даже незнакомых. Словно шакалы членов стаи.

– Шевалье, рад вас видеть, милости прошу, проходите, присаживайтесь! – Словно и не заметив неловкости гостя, де Камбре пригласил его к круглому столику, стоявшему в углу кабинета. – Желаете вина? Позвольте за вами поухаживать. Вот, прекрасное окситанское, с моей родины. Вам нравится?

Ренард отпил глоток, поставил бокал на стол.

– Я не великий специалист, все эти ноты и букеты выше моего понимания, но мне действительно нравится, господин виконт. Однако я все же пришел по делу. У вас есть время выслушать?

Черт бы побрал эти политесы! Вместо того чтобы пожать руки, выпить и перейти к главному, приходится вязать словесные кружева, ни хрена делу не помогающие. Но иначе нельзя – посетитель всерьез обидится. Но вот вроде и до сути добираемся…

– Я вас внимательно слушаю, шевалье. Что случилось?

– Господин виконт, как вам известно, мои коммерческие интересы тесно связаны с морской торговлей. Своих кораблей у меня нет, но несколько лет назад я создал небольшую контору в Кале, которая занимается приемом и отправкой грузов, их таможенным оформлением. Со временем она разрослась, расширила клиентуру и сейчас, пожалуй, стала крупнейшей в том порту.

– Рад за вас, друг мой, но с чем вы пришли сегодня? Что-то в той конторе случилось?

– Увы, да. Неделю назад был убит сотрудник конторы, младший клерк, совсем мальчишка. Его зарезали прямо на улице, посреди дня. Преступник до сих пор не найден.

Интересно, а сюда-то вы, уважаемый, на фига пришли? Всерьез рассчитываете, что королевский интендант лично займется этим делом? У него других нет?

– Мои соболезнования, шевалье, – голос хозяина кабинета прозвучал сухо и официально. – Я, разумеется, отпишусь в полицию Кале, чтобы приложили все силы для поиска убийцы. Но вы же понимаете – гарантировать результат мы не в силах. Тем более в Кале – там полицию содержат ваши коллеги купцы. Ей-богу, самому вам даже легче будет с ними договориться.

– Понимаю, конечно, понимаю и никогда бы только с этим не пришел, однако… Видите ли, утром того злосчастного дня несчастный Реми сказал мэтру Планелю (это глава той фирмы), что разгадал тайну отплывших кораблей, обещал все рассказать вечером. К сожалению, мэтр тогда не воспринял его слова всерьез, а потом… м-да… Реми убили. Прямо на глазах многих прохожих, по дороге из

порта в контору, какой-то мужчина на бегу перерезал горло и успел удрать, пока народ приходил в себя. Нагло, очень торопливо, очень рискованно. Я подумал, что невероятно, конечно, но, может быть, парень действительно нашел ответ… и кто-то боялся, что он расскажет…

Ну вот вам, товарищ бывший полковник, очередная проблема, которую предлагает судьба. Получите и распишитесь.

Они сидели друг напротив друга, разделенные ажурным столиком, на котором стояли бутылка вина и два бокала. Еще пару минут назад де Камбре рассчитывал распить вино, поскорее успокоить родственника и вместе отправиться обедать. Впрочем, может быть, все и не так серьезно?

– Тайну отплывших кораблей? Звучит красиво, но я о ней впервые слышу.

– Не столько именно тайна… Вы позволите еще вина? Благодарю, прекрасное вино… м-да… так вот, все началось полгода назад, может быть даже раньше. Вскоре после того, как разбили островную армию, да и флоту островитян тогда досталось, хотя кому я рассказываю… Так вот, вначале это были просто слухи, эдакие матросские байки. Вы, возможно, слышали их притчи о «корабле мертвых», что заставляет капитанов плыть в неизвестность, откуда нет возврата, о гигантском спруте и «великой волне», разбивающей в щепки парусники, чьи экипажи не угодили «духу моря»… Так вот, вначале мы над ними посмеивались. Пока не собрали все документы, все, что знали о пропавших кораблях, вместе. Тогда стало не до смеха.

Ренард поставил бокал на столик, немного помолчал, словно собираясь с мыслями, почесал затылок и продолжил:

– Мы установили, что количество исчезнувших кораблей, вышедших из Кале, в пять раз превышает количество тех, что исчезли по пути в Кале. Понимаете, пираты были всегда, но, как правило, им было безразлично, на какие корабли нападать. Теперь же… да… теперь они нападают в основном на те, что вышли из Кале, и вышли, заметьте, с ценным грузом. Почему-то пустые или с какой-то дешевкой спокойно добираются до портов назначения. В общем, приплыть в порт легко, проблема – выйти из него и достигнуть цели. За три последних месяца только из Кале вышло и исчезло тридцать два корабля, вы наши убытки представляете?

– С трудом, честно сказать. Но это и не важно. Вы что-то сказали о документах – я могу их посмотреть? Ах, вот они? Прекрасно! Но не сейчас: как говорил один мой старый знакомый, режим питания нарушать нельзя! Вы не откажетесь пообедать у нас? Виконтесса будет рада, вы так редко у нас бываете… И рассказываете о себе так редко… Шевалье, вот честно, вы действительно такой затворник? А в молодости? Небось, ух! Детишки-то небось по всей Галлии папку ждут?

Ренард резко встал, поджал губы и голосом сухим и надменным осведомился:

– Виконт, надеюсь, вы не ждете от меня исповеди?

– Извините ради бога, друг мой. Поверьте, я не пытаюсь вас задеть, это просто… видите ли, я, пожалуй, уже начал работать над вашим… простите, отныне нашим делом.

Глава II

Вечер в Амьене. Еще светло, лишь яркое весеннее солнце, красное, по-летнему огромное, но все еще не жгучее, только что скрылось за горизонт, отчего яркие краски, которыми любят раскрашивать свои дома добрые горожане, чуть поблекли, но все еще продолжают радовать прохожих.

По широкой чистой улице, где расположились дома богатых купцов, гуляют пары. Солидные мэтры с дорогими, во всех смыслах, женами, их наследники, тоже с женами, или, кто помоложе, с невестами. Все чинно, неторопливо, как и положено господам, достигшим достатка тяжелым трудом, не ведающим за собой слишком уж серьезных грехов и с уверенностью смотрящим в будущее.

Иногда пробегают торопливые слуги – бывает, господская воля иногда столь разнообразна, а исполнять ее следует очень шустро, если ты хороший, неленивый слуга, мечтающий в конце концов выкупить один из здешних домов и уж тогда с полным правом самому гулять по этой улице, уважительно раскланиваясь со встречными купцами и напрочь игнорируя всех остальных.

Например, вон того юнца в дешевой, хотя и крепкой одежде – коричневых башмаках, простых серых штанах и коричневой куртке из дешевой грубой кожи. Шляпа? На нее, похоже, денег у молодого человека не хватило. За плечами парня котомка, висящая на крепкой палке – то ли маленьком посохе, то ли большой трости.

Кое-кто из гуляющих с усмешкой отмечал наивный взгляд типичной деревенщины, с восторгом и легким страхом рассматривавшего огромные трехэтажные особняки и боязливо поглядывающего на богато одетых горожан.

Он явно что-то искал, знал, что нужный ему дом расположен где-то здесь, но где? Спросить у этих важных господ?! Это выход, но страшновато – не дай бог, обидятся. В конце концов, решился.

– П-простите, в-вы не подскажете, где дом г-господина Ренарда? – заикаясь от робости, спросил он у одного из прохожих, чей взгляд показался ему не слишком грозным.

– Господина? Тебе нужен именно господин Ренард? Извольте, юноша, вот его дом. – Прохожий усмехнулся и встал неподалеку, ожидая, когда начнется представление.

А молодой человек взошел на крыльцо, пару раз тяжело вздохнул, осенил себя знаком Спасителя и постучал в дверь. Через минуту она открылась, и вышел огромный мужчина – высокий, широкоплечий, с пудовыми кулаками и совершенно равнодушным взглядом.

– Здравствуйте. Я хотел бы поговорить с господином Ренардом.

Услышав это, мужчина взял собеседника за шиворот, легко, словно котенка, поднял, так что их глаза оказались на одном уровне, и совершенно равнодушно спросил:

– Как ты назвал шевалье де Ренарда?

– К-к-какого шевалье?

Гуляющая публика остановилась, с любопытством рассматривая сценку. Кое-кто уже заключал пари – как далеко улетит гость после пинка охранника. А гость всеми силами пытался этого полета избежать.

– Я не знал!! Мне матушка сказала обратиться к гос… ой… к господину шевалье! Я Поль! Поль Пифо! Гос… ой, шев… ой, его милость всегда были добры к нашей семье!

– Пифо, говоришь? Что ж, посмотрим, какой ты Пифо. – Детина продолжал удерживать гостя на весу.

Зеваки, а тем более спорщики, были разочарованы – молодой человек все-таки отправился в полет, но, к сожалению, не на улицу, а в дом. Так что траектория осталась неизвестной, а пари – неразрешенными.

Ренард сидел за рабочим столом, обложившись бумагами, готовя очередное финансовое коварство, представлявшееся весьма себе перспективным, сулившим немалый доход. Собственно, работа практически была завершена, осталось сделать несколько пометок в документах, и можно наконец расслабиться, выйти из кабинета и посидеть у камина с бокалом хорошего вина.

В этот момент в дверь постучали – что за черт?! Все домашние знают, что беспокоить хозяина во время работы нельзя! Только в крайнем случае. Или сейчас он и есть?

– Чего надо? – Ренард даже не попытался скрыть раздражение. Еще чего, пусть все знают о его недовольстве, расслабились тут, распустились.

– Ваша милость, тут к вам пришли… – Здоровяк охранник попытался уменьшиться в размерах. Смешно. Видать, всерьез страшится хозяйского гнева, что есть хорошо.

– Кто? – Вот так, кратко и грозно. Пусть боятся, слугам полезно.

– Вот. – Оробевший бугай поставил перед собой незадачливого гостя. – Говорит, что он Пифо, а вы изволили приказать, чтобы гостей с такой фамилией не сразу взашей гнали.

Взгляд Ренарда по-хозяйски пробежался по Полю, мол, что это за чудо такое, взъерошенное?

– Ты откуда? – В голосе ни намека на радушие.

– Из Руто, это деревня такая, гос… ваша милость.

– К Люси Пифо какое отношение имеешь?

– Так она моя матушка, отправила к вам, сказала, что возьмете меня на работу, к делу приставите… ну… я… в общем… вот… – Парень неловко развел руками.

Ренард подошел, за подбородок поднял лицо юного гостя вверх, долго и внимательно вглядывался. Наконец, тяжело вздохнув, спросил:

– Ты хоть что-нибудь делать-то умеешь, горе мое?

– Конечно! И дрова колоть, и за лошадьми ухаживать, даже кучером могу, правда-правда!

– Кучером… Всю жизнь мечтал завести себе такого мелкого кучера. Ты хоть буквы знаешь?

– А как же! – Поль оживился. – И читать, и писать, и арихметику знаю, матушка меня всему научила! А я еще и по-кастильски, и по-островному говорю.

– Тоже матушка научила?

– Зачем? Через деревню-то нашу дорога на Париж проходит, по ней всякие купцы едут, да в гостинице, что старый Обэ держит, останавливаются. А их и обслужить, и обсчитать… ой, рассчитать надо. Вот оно как-то само и узналось.

– Ну, если само узналось, тогда так. Ты вот что, братец, – Ренард обратился к охраннику, – отведи-ка нашего гостя на кухню, скажи, чтоб его накормили, а потом в каморку, ну, ту, на втором этаже, пусть отдохнет. А попозже попрошу Эльвиру, пусть проверит, какую-такую арихметику он знает. Тогда и решим, чего с ним делать.

Через час, накормленный до отвала, Поль спал на узкой кровати в тесной комнатушке, а домочадцы азартно судачили, пытаясь понять, с чего это хозяин не выгнал его за порог, а накормил и даже спать уложил. Под перекрестный огонь их любопытства попал несчастный охранник, впустивший в дом нового жильца.

– Да не знаю я, кто он таков! – отбивался он от осточертевших уже вопросов. – Три дня назад хозяин получил какое-то письмо, которое сразу сжег, а нам приказал, если пожалует кто с фамилией Пифо, то такого не бить, а сразу привести к нему. И все, отстаньте уже от меня!

Споры слуг были долгими и жаркими, но к единому мнению уважаемое общество пришло лишь после того, как проверять знания Поля отправилась сама младшая дочь хозяина Эльвира, с недавних пор баронесса де Безье. Вердикт уважаемого собрания был однозначен – юноша является внебрачным сыном шевалье де Ренарда, признавать которого он не будет, но посильное участие в его судьбе примет непременно.

Наутро Поль Пифо был приглашен на аудиенцию к его милости шевалье де Ренарду. Шевалье сидел на кровати в ночной рубашке, высоченном ночном колпаке, на ногах красовались шерстяные носки ядовито-оранжевого цвета. При этом он принял столь горделивую позу, что выглядел важно до умиления.

– Значит так, юноша, вчера баронесса де Безье доложила мне по результатам вашего собеседования.

С недавних пор Ренард взял манеру вставлять в свою речь слова и обороты из лексикона своего друга де Камбре. Часто не к месту, но, слава богу, пользовался ими только в кругу семьи.

– По ее мнению, тебе можно доверять нехитрые дела, поэтому я решил отправить тебя в Кале учеником в контору «Роза ветров». Оплата – пятнадцать су в день и бесплатный обед. Жить будешь там же, в конторе, так что на жилье тратиться не придется. Через год, если будешь стараться, получишь прибавку.

– А-а может быть… – промямлил Поль, рассчитывавший, по-видимому, остаться в доме Ренарда и получать несколько больше.

Но был остановлен.

– И можешь не благодарить, – закруглил разговор господин. – Вот рекомендательное письмо, передашь его мэтру Планелю, управляющему конторы, с которой отныне связано твое будущее. И поторопись, дилижанс отправляется через час. Вот тебе деньги на дорогу и первое время, – Ренард передал несколько медных монет, – заработаешь – вернешь Планелю.

После этого оставалось только откланяться. Было заметно, что Поль хотел сказать несколько слов, но были ли это слова благодарности или ругательства, осталось тайной. Во всяком случае, произнести их вслух молодой человек не решился.

А, собственно, что ему оставалось? На следующее утро (спасибо, что переночевать позволили) приторочить котомку к верному посоху и поспешить на рыночную площадь, откуда отправлялся дилижанс в Кале. Повозка на шесть человек с жесткими деревянными сиденьями комфортной поездки не обещала.

Вообще-то было еще четыре места на крыше, где молодому парню было бы посвободней, благо погода установилась солнечная, хотя утром и вечерами все еще по-весеннему прохладная. Но в этот раз пассажиры подобрались солидные, основательные, отправившиеся в дорогу с неимоверным количеством чемоданов, баулов и тюков, которыми напрочь забили все пространство снаружи, так что Полю пришлось усаживаться в душный салон, пропитанный запахами десятков прошедших через него путешественников.

Открытые окна, к сожалению, вентиляции не сильно способствовали, зато дали возможность рассмотреть соседей. Троих немолодых мужчин и женщину, повидимому жену одного из них, быстро укачало, и они уснули. А вот пятый, как раз сосед, крепкий черноволосый мужчина со шпагой на дешевой перевязи, раскрыл саквояж, в котором оказалась жареная курица, нарезанные куски отварной телятины, полголовки сыра, хлеб и, естественно, бутылка вина – куда ж без нее.

По-юношески вечно голодный, он поневоле не сводил глаз с уплетающего за обе щеки, смачно чавкающего мужчины. Лишь после долгого облизывания и глотания слюны Поль заметил на рукаве куртки соседа нашивки полицейского сержанта и невольно отодвинулся – слишком недобрая слава ходила об этих людях. Вроде бы должны они служить закону, но, по словам знакомых, верны были лишь своему карману. Дрянь, короче, людишки, паскудные.

То ли это движение заметил сержант, то ли голодный взгляд небогато одетого парня, но отломил ножку курицы и, улыбнувшись щербатым ртом, протянул Полю:

– Подкрепись, парень, дорога дальняя.

– Спасибо… – растерянно поблагодарил Поль.

– Вида, – представился сосед, – сержант Вида из славной амьенской полиции.

– Поль. – Врожденная, ну, или вбитая родительскими розгами вежливость заставила представиться в ответ.

– Докуда едешь, Поль?

Вот чего он пристал? С другой стороны, дорога дальняя, почему бы не поболтать с хорошим человеком? Полицейский, конечно, но ведь угостил, так что будем считать его хорошим. До конца поездки.

– В Кале, мэтр Вида. Буду там работать, в конторе. А вы?

– Значит, попутчики мы до конца! В смысле – до конца путешествия. Я тоже в Кале, хоть море повидаю. Представляешь, до сорока лет дожил, а ни моря, ни кораблей не видел. Может, удастся даже прокатиться! – В глазах полицейского сверкнул детский восторг. – Ты когда-нибудь на кораблях плавал?

– Нет, у нас в деревне только маленькая речка, которую курица вброд переходит. Зато один сосед, тот да, на настоящих кораблях плавал, он такое рассказывал! Вот, например…

Неожиданно морская тема сблизила этих случайных попутчиков. Слухи, сплетни, рассказы знакомых, легенды и сказки… Два сухопутных мальчишки, мечтающие о соленых ветрах и криках чаек за кормой. А возраст? Да какое он имеет значение.

На третий день в солнечный теплый полдень дилижанс прибыл на рыночную площадь Кале. Уставших от тряской дороги пассажиров окутал, обволок вовсе не свежий морской воздух, о котором мечталось в душном дилижансе, а запах самого обычного рынка, на котором продают все, чего пожелает душа клиента, от вчерашних объедков для собак и нищих до изысканных колбас, свежей и не очень рыбы. От в хлам изодранных обносков до вполне добротной одежды. Не шикарной, конечно, но той, что как раз и нужна большинству добрых горожан.

– Ну что, Поль, давай прощаться. Если потребуюсь – найдешь меня в здешней полиции, я из Кале раньше чем через месяц не уеду. – Вида протянул руку, но тут же убрал – как народ относится к полиции известно, нечего парню создавать проблемы. Мало ли кто на них сейчас смотрит. А так – попутчиков не выбирают, доехали, раскланялись и забыли друг о друге.

– Всего хорошего, господин сержант. Надеюсь, помощь полиции мне не потребуется, – с улыбкой ответил Поль и, перекинув через плечо посох с котомкой, собрался идти, искать контору «Роза ветров»… и как будто кто-то свыше удержал его, заставив бросить взгляд за спину собеседника. Там, среди неспешной толпы, где каждый шел по своим делам, не обращая внимания на соседей, парень заметил мужчину, смотрящего четко на Вида. И идущего к нему все быстрее, быстрее… вот в его руке сверкнул нож…

– Сзади!

Сержант услышал, начал поворачиваться, но медленно, слишком медленно, не успеет! Удар!

Они ударили почти одновременно, убийца и Поль. Но Поль успел раньше. Посох размытым полукругом с гулким воем мелькнул в воздухе и опустился на руку с ножом. Не обезоружил, даже не остановил ее, но сбил направление удара. Вместо горла нож вошел в предплечье – тоже плохо, но уже не смертельно.

Убийца все же выпустил оружие, схватился за поврежденную руку и, бросив на парня короткий ненавидящий взгляд, скрылся в подворотне. Очень удобной подворотне, случайно оказавшейся рядом.

Случайно? Поль отметил эту мысль, но развивать не стал – рядом раненый, которому надо помочь. Он помог побледневшему Вида сесть, снять куртку, разрезал рукав, наложил жгут из шнура, которым была перехвачена котомка. После того как фонтанчиком бившая кровь остановилась, к удивлению зевак, достал из той же котомки клочок бумаги, грифель и, бросив взгляд на часы, что красовались на каком-то здании, записал время. Бумажку положил под жгут. Быстро, сноровисто, словно только этим всю жизнь и занимался. Потом так же ловко перевязал рану. И все время говорил, говорил…

– Ничего страшного, мэтр, у нас в деревне такие раны завсегда заживали, и безо всякой магии, а уж тут, в городе, даже и не волнуйтесь, все хорошо будет. Лучше подумайте, почему дилижанс лишние сто метров проехал? Стоянка-то вон она где. Правда, интересно? Ну все, вон уже полицейские идут, а я побежал, дела у меня.

Глава III

Действительно, к месту преступления подходил патруль. Двое усатых и пузатых, необъемных в талии мужчин вначале уверенно подзатыльниками и пинками разогнали зевак вместе со свидетелями, только после этого обратили внимание на потерпевшего.

– Чо разлегся, босяк? Те тут чо, ночлежка, что ль? Вставай, дурень, пшел вон отсель! – вежливо обратился один из них, беззлобно, но точно и больно пнув Вида в бок.

– Мне к врачу надо, ранен я, – попытался быть вежливым амьенский сержант.

– Да хоть к дьяволу, – изволил пошутить другой полицейский. – Надо, так катись, и неча тут разлеживаться! Чай, не в приюте!

Первой мыслью было – достать документы, построить наглых орлов и объяснить, что хамить они начали не тому человеку. Второй – после этого могут и добить, с этих станется, вон как в безнаказанности уверены. А уж покойник точно никому проблем не создаст. Ну их, ноги вроде идут, голова кружится не сильно, а справедливость можно и после восстановить, когда здоровье подправится.

С трудом поднявшись, прихватив саквояж и куртку, сложив ее так, чтобы скрыть нашивки полицейского, Вида, покачиваясь, словно пьяный, пошел искать врача. Тот нашелся в паре кварталов от рыночной площади. Маг заломил несусветную цену, желая отпугнуть неблагородного клиента, а для верности потребовал документы: мол, обязан таких порезанных записывать и в полицию о них докладывать. Ага, как же, кому лапшу на уши вешать изволите – Вида припомнил одну из присказок своего друга.

Но раз надо – значит, надо, и с наивным до издевательства видом предъявил бумагу, подписанную его сиятельством королевским интендантом Пикардии виконтом де Камбре. Ого! Личный порученец, всем оказывать всяческое содействие, а не то я вас! Вот вы, господин врач, сколько с него содрать захотели?

– Мэтр, что же вы сразу не сказали, королевское дело, я же понимаю, ну-ка, что там у вас? Всего-то? – Цена сразу упала втрое. – С ума сойти, и время указано, когда жгут наложили! Это кто же такой грамотный вам помогал? Я вас прошу, найдите мне этого умника, я его сразу к себе на работу возьму. Поверьте, и с оплатой не обижу.

– Будет время – поищу, но не обещаю, – морщась от действия заклятия, сквозь зубы пробормотал сержант. Лечение, оно такое, даже с магией – небезболезненное, даже очень.

Что уж там колдовал врач, простолюдину Вида было недоступно, но рана затягивалась словно сама собой, так что уже через десять минут о ней напоминал лишь уродливый розовый шрам. За то, чтобы избавить от него пациента, была вновь запрошена лютая цена, платить которую тот отказался.

Все верно, это уже не государственное дело, так что или извольте, господин сержант, доставать денежки, или ходите так. На вашу службу шрам не влияет.

После процедуры Вида, все еще пошатываясь, отправился к зданию полиции. Врач сказал, что слабость уйдет через день, а то и через два, и лучше бы это время отлежаться с хорошим уходом да сытным питанием. Да куда там – каждый день на счету. И не в грозном начальнике даже дело, просто пустяками господин виконт не занимается, раз сказал, что надо найти убийцу мальчишки, значит, найти надо быстро.

Кстати, а что наш спаситель там бормотал? Дилижанс, видите ли, дальше проехал, аж на сотню метров. И что? Хотя… А давайте-ка, господин сержант, вернемся на рынок, посмотрим, что этого паренька заинтересовало? Как там врач сказал – умник? Что же, посмотрим, какие мысли пришли в его светлую голову.

Так, вот здесь нас пырнули, вон пятно крови еще различимо, даже затоптать не успели. М-да, нож, разумеется, коллеги прихватили, но о сохранности отпечатков пальцев вряд ли подумали. Ну что же, значит, подбежал душегуб отсюда, убежал – туда. Удачно убежал: из этой подворотни три выхода, захочешь – не догонишь. А если бы дилижанс встал где положено? О, тут уже другое дело: дома вплотную стоят, скрыться негде. Пришлось бы мерзавцу рвануть через толпу, а там его могли и перехватить бдительные горожане. Да, в Кале они такие, после недавней войны себя героями чувствуют. И не зря, надо признаться.

Что же, согласимся с врачом, умница этот Поль Пифо, безусловно. А кучером дилижанса надо будет заняться. Но не сейчас, первым делом – представиться интенданту полиции Кале барону де Буко.

Здание полиции расположилось на широкой улице, по которой катились экипажи, поскрипывали телеги, гарцевали на ухоженных лошадях кавалеры, спешил по своим делам простой народ. Мужчины, женщины, все куда-то идут, едут и никому нет дела до большого, выкрашенного в веселенький желтый цвет двухэтажного здания, в котором доблестные полицейские день и ночь трудятся, охраняя покой горожан. Во всяком случае, предполагалось, что они занимаются именно этим. А уж как на самом деле? Вида скривился, неловко повернувшись, – все-таки по ребрам тот полицейский приложился от души.

На входе в живописных позах раздолбаев стояли двое служивых с нашивками рядовых полицейских. Вида горько вздохнул, вспомнив строгий порядок на проходной амьенской полиции. Что бы сказал, глядя на эти недоразумения, его друг? Ой, многое. Говорил бы долго и с чувством, а потом заставил весь караул пробежаться, километров так шесть, да по лесу – сразу бы научились службу нести. Ну да ничего, его нет, но мы-то здесь. Поправим кого следует.

Только не сегодня, вначале нужно местному начальству представиться.

– Господа полицейские, мне к интенданту Кале. – Вида протянул документы.

Ого! Подпись де Камбре не произвела на орлов вообще никакого впечатления. Ну порученец, ну королевского интенданта, вас до демона здесь таких ходит. Надоели, честное слово.

– Записаны на прием? – через губу спросил один их охранников.

– Нет. – Сержант начал медленно обалдевать.

– Подайте прошение о приеме, вон в тот ящик бросьте, через недельку зайдите узнать, когда назначат, если вообще назначат.

С ума сойти! Порученца королевского интенданта, по сути – порученца короля! Выставить в роли жалкого просителя об аудиенции. Что же, скажем спасибо господину де Камбре за предусмотрительность. Есть у нас в запасе и еще одно письмо, на этот самый случай. Правда, всерьез никто не ожидал, что он наступит, но уж тут что имеем, то имеем.

Чем ближе Вида подходил к штабу гарнизона крепости Кале, тем больше робел. Армия – не полиция, здесь офицеры – только дворяне, да и ниже, в унтер-офицерах, да даже и сержантах, бывает, благородные служат. Пусть не слишком родовитые, но с безродным полицейским им разговаривать все равно не по статусу.

Но и деваться некуда, если военные не помогут, придется возвращаться в Амьен с пустыми руками, стыдно-то как!

На проходной – двое караульных. Солдаты при шпагах, чуть в стороне – невысокий худощавый дежурный офицер с желтой повязкой на рукаве. Все откровенно скучают, но стоят как положено, подтянуты и внимательны, бдят, одним словом.

– Стоять! – Один из солдат заступил дорогу. – К кому? По какому делу?

– К коменданту Кале вице-адмиралу де Жоме с письмом от господина королевского интенданта. Приказано передать лично в руки.

Услышав громкие титулы, офицер подошел поближе.

– Представьтесь.

– Прошу. – Вида передал свои документы.

– Интересно, господин королевский интендант посылает в Кале целого сержанта полиции, перед которым адмирал должен выслуживаться? – Бравый офицер скептически улыбнулся.

– Нет, разумеется. – Вида стушевался окончательно. – Я должен лишь передать письмо!

– Ну да, передать письмо. От виконта – барону, от представителя короля – адмиралу. Сержант, да еще полиции. Понятно, чего ж тут не понять. Тебе самому-то не смешно?

– Не до смеха мне, господин лейтенант, – полицейский наконец разглядел нашивки дежурного, – мне бы дело сделать, да убраться отсюда поскорей. Я ж человек подневольный… дисциплина, сами понимаете.

– Дисциплина в полиции?! – услышав, улыбнулись даже солдаты. – Эту шутку надо сегодня же рассказать сослуживцам. Над ней, пожалуй, не только они – весь Кале посмеется. Значит, господин сержант полиции, – лейтенант сделал упор на последнем слове, – желаете на прием к вице-адмиралу? А не выйдет, его милость в отъезде, до конца недели не будет его.

– Тогда прошу провести меня к командиру гарнизона, майору де Фотельи.

– Полковнику де Фотельи, дубина! У нас тут, если ты не знаешь, война прошлым летом была, после нее многих в званиях повысили.

– Знаю. – Робость вдруг ушла, осталась лишь досада. В конце концов, какого демона! – Мы в Амьене тоже воевали. И, ваша милость, вы уж пропустите меня к господину полковнику поскорее. Я сюда сразу от врача пришел, только-только руку залечил, которую мне в вашем добром Кале ножом проткнули. Голова кружится.

Лейтенант только сейчас обратил внимание на прорезанный рукав со следами крови, присвистнул и сменил тон.

– Ладно, сержант, – слово «полиции» в этот раз он уважительно опустил, – сейчас организую. Солдат, – он обратился к одному из караульных, – проводи посыльного в штаб.

Идти было трудно, голова все еще кружилась, так что больше всего Вида боялся, как бы не приняли его за пьяного: мол, нашел де Камбре кого порученцем назначать.

Вида с солдатом вошли в строгое серое здание и, поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, прошли в приемную господина де Фотельи. Там командовал седой капитан, строго погладывавший на посетителей. Словно школьный учитель на детей, которые, конечно, пока ведут себя прилично, но в любой момент могут отчебучить любую проказу. Правой кисти у капитана не было, так что разбирать документы на столе и делать в них какие-то пометки ему приходилось левой рукой.

– К господину полковнику с письмом от господина королевского интенданта, – доложил провожатый солдат и ушел, посчитав свои обязанности исполненными.

– От господина королевского интенданта? – переспросил капитан, недоверчиво взглянув на Вида. – Что с рукой? Ранен?

– Да, господин капитан, сегодня утром получил удар ножом. Но врач уже провел лечение, так что все плохое позади. Разрешите передать письмо господину полковнику?

– Так, так, так, – словно не услышав ответа, продолжил капитан. – Так ты у нас полицейский. Ну да, от виконта де Камбре этого стоило ожидать. Что же, раз уважаемый человек просит… но все равно подождать придется. Присядь пока, во-он там, отдохни.

Сержант сел на стул, стоявший в дальнем углу внушительной приемной, сразу стало легче. По крайней мере земля перестала качаться под ногами. От нечего делать стал рассматривать посетителей.

Однако аудиенции ожидали не только дворяне с длинными шпагами и надменными взглядами. Вон тот неброско, но дорого одетый пузатый господин с дорогущими перстнями на толстых пальцах, похоже, преуспевающий купец. А эти два здоровяка средних лет с широкими, словно лопаты, крепкими ладонями – артельщики. Только успешные – в ушах богатые серьги с просто огромными жемчужинами. По слухам, такие корабелы носят. А что, Кале – город портовый, наверняка командир гарнизона с ними дела ведет. Значит, есть шанс, что и с сержантом полиции господин де Фотельи поговорить не побрезгует. А там, чем демон не шутит, может, и поможет. В конце концов, Вида ж не для себя старается, по делу приехал. Государственному, не просто так.

Вот из руководящего кабинета вышел офицер. Раскрасневшийся, злой, видать, досталось служивому на орехи. Значит, и хозяин кабинета сейчас не в нирване, так что лучше бы переждать, пока начальственный гнев уляжется. Не сложилось – капитан пригласил заходить. Ну, с богом, авось не зря пришел за помощью.

Войти Вида постарался, как учили, – печатая шаг, остановился у стола, отдал честь. Однако, судя по ироничному взгляду офицера, получилось не очень. Но докладывать все равно надо.

– Господин полковник, письмо от господина королевского интенданта Пикардии. – Вида протянул запечатанный пакет.

Де Фотельи, видимо все еще злой после предыдущего разговора, буквально вырвал его из рук сержанта, нетерпеливо сломал печать, прочитал и

неожиданно усмехнулся.

– Де Камбре в своем репертуаре – просит армию оказать помощь полицейскому в государственном деле. В прошлом году мы, помогая одному такому сержанту, две роты положили. Интересно, сколько солдат погибнет ради твоего дела? Или, может быть, вашего, ваша милость? Может, вы тоже какой-нибудь барон, ну хоть шевалье на крайний случай?

– Никак нет, ваша милость, не дворянин. И погибать никто не должен, дело мое чисто полицейское и, поверьте, я и не планировал ни вас, ни кого вообще из военных беспокоить, но что-то странное творится в Кале.

Дальше Вида рассказал обо всем, что случилось с ним в этом городе. Без излишних подробностей, но так, чтобы собеседник смог вникнуть в ситуацию.

– Выходит, государственным делом является убийство мальчишки? Причем настолько государственным, что об этой государственности никто и знать не должен?

– Так точно. Господин виконт разрешил довериться лишь вам и господину адмиралу. Планировалось всем рассказывать, что я ищу не убийцу, а некий важный документ, который этот мальчишка украл незадолго до гибели. Местная полиция оказала бы помощь, а дальше – моя забота. Но вот посмотрел я на своих коллег… может, мне просто не повезло, не на тех наткнулся…

– Увы, сержант, это не тебе не повезло, это горожанам не повезло. Полиция в Кале подчиняется магистрату, а тому денег жалко, вот и идут на службу всякое отрепье; спасибо, что сами не воруют да не грабят. Хотя взятки – это святое, это вроде как им по уставу положено. Во всяком случае, слухи по городу именно такие ходят. И что теперь? Я, конечно, могу наорать на де Буко, но толку-то? Он же сам твоим делом заниматься не будет, спустит вниз, какому-нибудь раздолбаю, и увязнешь ты в этом болоте по уши. А помочь де Камбре надо, ему не то что весь город, ему мы с адмиралом лично по гроб жизни обязаны.

Вида совсем не по-уставному потер виски, собираясь с мыслями.

– Ваша милость, а если… ну… чуть изменить мою легенду. Если, скажем, украден документ, который предназначался адмиралу. Тогда и искать его

должен я и кто-нибудь из ваших людей. Я его нагружать не буду, так только, походит со мной немного для солидности, а дальше я сам!

Де Фотельи, размышляя, замер на пару минут, смотря куда-то сквозь полицейского, а потом резко встал и быстрым шагом направился к двери, через плечо мимолетом бросив:

– За мной!

Спустились вниз, вышли из штаба, прошли на задний двор, где на огороженной площадке десяток бойцов отрабатывали… приемы рукопашного боя! Те самые, которым год назад виконт де Камбре, тогда еще лейтенант Ажан, начал учить полицейских. Ну да, они самые – защита от удара ножом снизу, сверху, бросок через бедро. И падения – не абы как, а грамотно, со страховкой, такому тоже учиться надо.

Полюбовавшись на ошарашенного полицейского, де Фотельи крикнул:

– Унтер-офицер Тома, ко мне!

Удивленное лицо Вида вытянулось до каких-то невероятных размеров. Как? Здесь? Откуда? Ну да, вот он, взъерошенный, в измятой робе, растрепанный, но ведь он, сержант Тома, с которым в прошлом году ловили бандитов по лесам. Только почему не в Амьене? И уже унтер-офицер!

Тома четко, по-военному, подошел, доложился и тоже уставился на Вида.

– О, да никак вы знакомы, земляки! Отлично, тогда сразу к делу. Унтер-офицер, сержант Вида прибыл к нам по поручению вашего бывшего командира. О сути он расскажет сам, что сочтет нужным. От вас требуется найти полицейскому толкового помощника.

– Могу я заняться этим лично? – Ровный голос и бесстрастное лицо унтер-офицера портили азартно заблестевшие глаза.

– Что, хотите поработать со старым знакомым? Не возражаю, две недели у вас есть, но чтобы занятия у подчиненных не прерывались!

И отдав руководящие распоряжения, полковник де Фотельи отправился в свой кабинет. Службу служить.

Глава IV

Расставшись с полицейским, Поль, гордый совершенным подвигом, отправился на поиски конторы «Роза ветров». И то сказать, жизнь человеку спас! И человеку неплохому! Конечно, полицейскому, но не жадному, да и поболтать с ним в дороге было интересно. Так что юноше было чем гордиться.

Осталось найти новое место работы и уже там всем доказать, что, несмотря на молодость, мэтр, да, несомненно мэтр Пифо, человек незаурядный, просто обреченный на всеобщее уважение. Ну и на солидный заработок, конечно, как без этого. Кому нужно уважение без денег?

Однако… однако адрес «Розы ветров» шевалье де Ренард назвать не удосужился: мол, около порта, ее там каждый знает. Сейчас! Вот прямо очень она нужна добрым горожанам, жить они без нее не могут.

Короче, найти тот аккуратный двухэтажный дом, зажатый между таких же аккуратных и двухэтажных домов на узкой улочке, заблудившейся в паутине таких же узких улочек, названия которых помнили только те, кто на них живут, удалось лишь под вечер, когда солнце уже склонилось к горизонту, освещая самые верхушки самых высоких городских зданий.

Ну, здравствуй. Контора, в которой должны пройти ближайшие годы жизни Поля Пифо. А может быть, и вообще вся жизнь. Юность, зрелость… Отсюда и увезут в последний путь.

Стоп. Что-то не те мысли лезут в голову. Мы молоды, у нас есть цель – выбиться в люди, так с чего уныние? Вперед, к новой, бог даст, лучшей жизни! Стучимся в дверь!

На стук вышел седой слуга. Карие глаза на сморщенном лице смотрели внимательно и недобро.

– Чего надо?

Вот ведь! Только грустные мысли ушли, и на тебе. Вот оно, живое их воплощение, состарившийся конторщик, поди.

– Мне бы к мэтру Планелю, главе конторы. С письмом от шевалье де Ренарда.

– Да что ты, от самого шевалье. – Ирония не укрылась от Поля, но обсуждать ее он не решился.

– Папа, кто там? – донеслось откуда-то сверху.

– Это к тебе, с письмом от Ренарда! – ответил старик.

– Пусть подождут, сейчас спущусь!

Через несколько минут в холл, обставленный неброской, но, очевидно, дорогущей мебелью, спустился темноволосый худощавый мужчина лет тридцати пяти. В свободной белой рубашке, длинных, до пят, коричневых штанах и теплых меховых тапочках.

Вскрыв конверт и прочитав письмо, он внимательно посмотрел на Поля.

– Стало быть, это ты будешь у нас работать?

– Да, мэтр, шевалье де Ренард сказал, что здесь освободилось место…

– Да уж, освободилось. Не дай нам бог еще одно так же освободить. Ладно, тебе есть, где жить? Нет? Тогда пойдем, покажу комнату. Прошу! – Он открыл дверь в тесную каморку с маленьким окошком наверху. Узкая кровать и тумбочка. Все, другой мебели не было. Не графские палаты, надо признать, но на что еще может рассчитывать бедный юнец, из жалости взятый на работу богатым господином? Впрочем, такие мелочи не способны всерьез огорчить человека, твердо верящего в свою удачу, ибо чем длиннее разбег, тем выше прыжок!

– Обед в полдень, остальное – твои проблемы, – продолжил Планель. – Встаем… впрочем, часов у тебя все равно нет. В общем, когда разбудят, тогда и вставай.

Туалет во дворе, там рядом фонарь горит, не заблудишься. Все, располагайся.

Утром в дверь постучали. Первая мысль – жрать хочу! Вторая и третья – те же. Кое-как привел себя в порядок и как мотылек на свет отправился к столовой по разносящемуся на весь дом вкусному запаху.

– Это ты новенький? – спросила стоявшая у плиты крепкая русоволосая женщина. – Я – мадам Планель, можно – мамаша Лор, меня здесь все так зовут. Завтрак – два су, если есть деньги – присаживайся, если нет – все равно садись, вечером отдашь. Ужин, кстати, три су, или кушай в городе, но там будет дороже.

«Нормально так получается, – подумал Поль, – четверть заработка на питание. Ой, нет, даже больше – платят-то лишь за рабочие дни. С такой жизни богатеть придется долго. С другой стороны, есть к чему стремиться! Работать надо. Но сначала съесть не царский завтрак, но и не нищенский – каша, хлеб и молоко. Действительно нормально».

Поев, отправился к мэтру Планелю, который загрузил его канцелярской работой. Грамотный? Ну так вот тебе кипа бумаг, разбирай их по клиентам и датам, чтобы к вечеру был полный порядок. И не дай тебе бог напортачить! Мэтр показал крепкий волосатый кулак, ненавязчиво намекнув, что валандаться с новым работником здесь никто не собирается.

Целый день Поль, почти не разгибаясь, сидел за формулярами, актами и счетами, от разнообразия которых к вечеру разболелась голова. За это время схлопотал целых три одобрительных хмыка и лишь пару подзатыльников.

Утро же следующего дня началось с команды начальника одеться получше, словно у парня был целый гардероб одежды, причесаться и следовать с ним в торговую гильдию порта. По дороге рассказал, что, как представитель Ренарда в Кале, является секретарем той гильдии. В его обязанности входит составление списков кораблей, вошедших в порт и вышедших из него. Сколько и каких товаров завезено, сколько уехало в далекие земли, когда ушедшие суда прибыли в порты назначения или, увы, бывает и такое, сгинули в пути.

– Последний год, – рассказывал Планель, – все чаще корабли пропадают. Причем не по пути в Кале, а покинув нашу гавань. Демон знает, что происходит, моряки уже говорят о наложенном кем-то проклятии. Вроде как обидел кто-то из

портовых клерков морского демона, вот и топит он тех, кто отсюда грузы вывозит. Оттого и доходы наши падают, вон даже и тебе гроши, честно сказать, платим. А с чего платить, если работы все меньше и меньше.

Пробуждению энтузиазма, разумеется, этот разговор не способствовал, но молодости свойствен оптимизм. Трудности – прорвемся! Проблемы – победим! Не было такого, чтобы мэтр Ренард не нашел выход, это всем известно!

У входа в здание гильдии толпился народ. Только это была не та толчея, что жмет и кружит человека на рынках или представлениях циркачей, но десятка три солидных, богато одетых горожан степенно что-то обсуждали, разбившись на небольшие группки. Они неспешно переходили от одной компании к другой, иногда довольные, иногда раздосадованные. В общем, было видно – делом люди занимались.

Немного в стороне стояла продавщица цветов – юная девушка, почти девчонка, в аккуратном ярком платье и красном чепчике, покрывавшем светлые, да что там, буквально золотые в ярком солнечном свете волосы.

– Эй, парень, я с тобой разговариваю! А ты куда пялишься, – недовольно окликнул Поля Планель. – А, мадмуазель Софи. Ну да, куда ж тебе еще смотреть! Но запомни, девицы любят только серьезных, работящих мужчин, так что вперед, орел, тебя работа ждет!

И отвесив подзатыльник, не столько болезненный, сколько обидный, направил его ко входу в здание.

Лишь краем глаза Поль успел заметить сочувствующий взгляд, брошенный на него красавицей.

А уже через десять минут он сидел за обшарпанным столом в неуютной пыльной конторке, рядом с тремя с головой ушедшими в свои дела клерками, обложившись бумагами, выписывая в толстенную книгу названия кораблей, порты приписки и назначения, грузы, объемы, таможенные пошлины и прочее, прочее, прочее, – все, что желала знать такая важная, но совершенно непонятная торговая гильдия.

В отдельный журнал – сведения о затонувших и пропавших без вести судах. Когда вышли, откуда, куда. Просто записывал, даже не задумываясь о несчастных моряках, которым не суждено было добраться до земли.

Сам Планель болтал со знакомыми в соседней комнате, откуда слышался смех и звон бокалов, а Поль корпел над своими бумагами, вытирая пот с лица, проклиная судьбу и духоту каморки и мечтая, чтобы скорее этот трудовой кошмар закончился.

И наконец, свершилось! Свобода! Он вышел из здания гильдии и от всей души, с чувством, протяжно, до хруста в суставах потянулся, глядя на розовеющее в предзакатных солнечных лучах небо. Потом опустил взгляд на дома, горожан, спешащих по делам или неспешно прогуливавшихся, потом чуть вправо… Ого! Софи, взяв корзину с непроданными цветами, идет к нему! Нет, правда к нему, устремив на Поля взгляд небесно-голубых глаз, очаровательно поправляя выбившиеся из-под чепчика золотые волосы, что причудливо рассыпались по плечам. За время пребывания в Кале Поль пока не увидел ни моря, ни кораблей, но сравнение всплыло само – каравелла. Такая же красивая и гордая.

– Привет. – Девушка обратилась первой. – Я иду в порт, там сейчас лучше торговать. Проводишь меня? Я – Софи, а тебя как зовут?

– Поль. – Парень немного растерялся от ее прямоты. – Конечно, провожу, а это далеко?

– Ты что, боишься? – Софи лукаво улыбнулась, кокетливо наклонив голову.

– Нет. – Поль смутился еще больше. – Просто в городе столько народу, совсем не как у нас в деревне. Непривычно мне, тут заблудиться куда проще, чем в самой глухой чащобе. И я до сих пор до моря не дошел. Всего второй день с этими проклятыми бумагами вожусь, так они мне сегодня всю ночь снились. И завтра приснятся, демон бы их побрал.

– Ну, тогда тебе точно со мной по пути! А заблудиться не бойся. Если к морю, то всегда вниз иди, мимо точно не пройдешь!

И они пошли. По неширокой, мощенной булыжником улице, между серых, солидных в своей угрюмости домов, под веселыми взглядами прохожих.

Впрочем, Поль не обольщался. Улыбались не ему, а красавице Софи, чьи густые, словно светящиеся изнутри волосы и яркое платье магнитом притягивали взгляды. Рядом с ней неуклюжий деревенский увалень смотрелся неуместным блеклым пятном.

Однако сама девушка, очевидно, считала иначе. Она трещала без умолку, рассказывая обо всем, что они видели.

– Вот это квартал пекарей, чувствуешь, как хлебом пахнет? Вон там, правее, квартал портных, как заработаешь денег, обязательно сходи, а то одет, словно только что коров пас. Ты ж не в хлеву, в уважаемой конторе работаешь. Да, смотри, смотри, ниже, ближе к порту, квартал кузнецов, но мы туда не пойдем, мы лучше вот сюда, по этой улице, а теперь внимание, сейчас поворот, закрой глаза и дай руку. – Софи словно поводырь слепца провела Поля шагов двадцать, повернула. – Смотри!

Господи, красота-то какая!

Поль стоял наверху прямой широкой и длинной улицы, с которой было видно море. Кривые улицы, дома прибрежных кварталов, поля и серый, еще не покрывшийся молодой листвой лес, на опушке которого пестрели цыганские кибитки. Но главное – порт, стоящие на рейде корабли, снующие между ними парусные шлюпки и уходящий за горизонт величественный бирюзовый простор.

Вот два корабля под белоснежными парусами отправились в дальний путь. Они проходят мимо башен форта… В этот момент над мачтой первого вспыхнул ярко-желтый шар.

– Что это?

– Портовый знак. Если вспыхнет красный шар, значит, корабль уходит без разрешения: ну там сборы какие не оплатил, или таможенную пошлину. Такой далеко не уйдет, враз его из форта обстреляют.

Над следующим кораблем вспыхнул шар синего цвета.

– А это что значит?

– Ничего. – Софи равнодушно пожала плечами. – Раз шар не красный, то все в порядке. Говорят, маг, что это заклятье создавал, шутник был, всю радугу в шары заложил. И это красиво! Мне нравится. Только красного шара я никогда не видела, из Кале без оплаты выходить – дураков нет.

Поль лишь кивнул, но стоял столбом.

– Эй, ты чего застыл, пошли уже!

Лишь после этого парень вздрогнул, словно очнувшись, и посмотрел на спутницу.

– Вот это красота! Сколько кораблей, и все разные! Зачем столько разных?

Девушке все-таки удалось сдвинуть его с места, и они отправились, наконец, к порту.

– А как по-другому? Каждый для своего предназначен, да и стоят они по-разному. Кто-то огромный галеон покупает, а кому-то и на маленький люгер едва хватает. Ничего, годик в Кале поживешь, все узнаешь, а то и вовсе корабли замечать перестанешь. Ну все, я пришла, здесь торговать стану до темноты. Потом проводишь меня до дому? Пожалуйста, а то одной страшно так… – Софи посмотрела на парня самым жалостливым взглядом. – Ты пока походи по порту или вон в таверну зайди, в «Зеленый якорь». Там моряки собираются, такие интересные рассказы у них!

Отказаться? Проводить девушку, такую красавицу? В четырнадцать лет? Смешно подумать. Естественно, Поль согласился, а пока пошел побродить по порту, вдыхая ядреный морской воздух, смешанный с запахами смолы, пеньки, рыбы и всего того, что оборотистые купцы привезли для отправки в дальние страны или готовились забрать для торговли в Галлии.

В самом большом трехэтажном здании располагались администрация порта и таможня. Эти службы работали, казалось, круглосуточно. Занятые, прилично одетые мужчины сновали туда-сюда, раскачивающейся походкой проходили капитаны в крепких кожаных куртках, в широкополых шляпах и с неизменной серьгой в ухе. Поль подумал, что крутость капитанов здесь принято определять стоимостью драгоценных камней, в эту самую серьгу вставленных.

А когда бродить без дела надоело, зашел в таверну, в «Зеленый якорь». Мало денег? А кушать, да какой там, жрать хочется нестерпимо. Бесплатный обед пропустил, дешевый ужин может тоже закончиться без него. Если, конечно, очаровательная Софи не решит прогуляться с кем-то другим, побогаче и повзрослее. Казалось бы, действительно, что она в Поле нашла? Только кого в четырнадцать лет занимают такие вопросы?

Пока же юный кавалер сел в уголке просторного зала и заказал яичницу да пинту эля – в Кале со времен, когда здесь хозяйничали островитяне, этот напиток пользовался популярностью.

Не разорился, но поиздержался изрядно. От безделья стал прислушиваться к разговору за соседним столом.

– …да я точно знаю, – хриплым голосом убеждал кого-то сидящий спиной к парню широкоплечий мужчина с длинными сальными волосами. – Сам сегодня с кэпом ходил в администрацию, своими ушами слышал, как там говорили, что старина Обэ попал в старый список. Два месяца назад вышел из Кале в Лиссабон, и все, ни слуху ни духу.

– Может, курс изменил или в другой порт отправился? Груз-то у него какой был, знаешь? – спросил мужчина, которого Полю не было видно.

– Не, не мог. Кто-то другой, но не Обэ. Груз – да, богатый, слов нет. Полный трюм шелка, такой везде продать можно. Только Обэ и подороже товары перевозил, а никогда нанимателя не подводил. Говорил… как это… а, репутация! Да что я рассказываю, вы сами знаете.

– Да, вот и Обэ нет, – вступил в разговор третий собеседник. – И, готов спорить, никто из команды так и не объявился. Сколько уж кораблей отсюда прямиком в старый список ушло. Нет, друзья, что ни говорите, а в Кале заходить – все равно, что в кости с судьбой играть: слишком мало шансов.

– Зайти-то еще ничего, а вот выйти и счастливо доплыть – вот на эту игру я точно не согласен. Только куда ж теперь нам деваться?

Собеседники надолго замолчали. И лишь в конце разговора кто-то сказал:

– Клянусь, парня, который разгадает тайну отплывших кораблей, я готов неделю поить в лучшей таверне на побережье! А пока… давайте помянем моряков…

Выпив и расплатившись, компания вышла из таверны, покачиваясь то ли от выпитого, то ли просто по старой морской привычке.

А Поль все пытался осмыслить услышанное. «Загадка отплывших кораблей» – именно о ней, пожалуй, сегодня рассказал ему Планель.

Тогда «старый список» – это, наверное, как раз тот журнал, что он заполняет в торговой гильдии порта. Да, интересные, однако, дела в Кале творятся…

В таких размышлениях молодой человек просидел за своим столиком до того времени, когда за окном стемнело. Все, пора красавицу провожать, а там… а вдруг она себя поцеловать позволит?! Или хотя бы за ручку подержать?

Увы. Не было Софи на месте, ушла, плутовка! Обидно, конечно, но ничего, не последний день живем, будет еще время очаровать красавицу. А пока домой идти надо, слава богу, дорогу запомнил.

Только город днем – совсем не тот, что ночью. Пустынные, ставшие вдруг жутковатыми, узкими и кривыми, улочки, косые черные тени лунного света, наглухо закрытые ставнями окна. Темно, страшно.

Вдруг впереди возникли два силуэта. Поль хотел убежать – поздно. Сзади стоит еще один. Все. Хорошо, если просто ограбят, а вдруг убьют? С досады, что отнять у него нечего.

– Стоять, парень, не дергайся. Поговорим.

Знает он эти разговоры, никогда они добром не кончались.

– Деньги есть? Ну-ка, стой смирно и выворачивай карманы.

А потом что, отпустите? Или пряником угостите? Ага, железным под ребро. Нет уж, нежеланные вы собеседники!

Тут Поль сделал то, чего разбойники раньше не то что никогда не видели, но даже и представить себе не могли – он легко, словно по лестнице, прямо по стене взобрался на крышу дома, цепляясь за едва заметные выступы, свободно перекинув свое легкое и гибкое тело через карниз. И убежал, грохоча черепицей, распугивая уличных котов и летучих мышей.

Добравшись до конторы «Роза ветров», хотел сразу отправиться спать, но был перехвачен решительной мамашей Лор, которая объяснила, что молодые люди должны хорошо питаться, а всех денег все равно не заработаешь.

– Вот Реми, тот всегда хорошо кушал, такой ладный был, вежливый… Планель сказал, ты после работы с Софи гулять ушел? Ох, – мамаша Лор тяжело вздохнула, – вот и Реми с ней частенько гулял. Жаль девчонку, такая милая, а таким делом занимается.

– Каким таким? Ну продает она цветы, и что?

– Глупенький, – она легонько потрепала Поля по голове, – ты видел, чтобы она хоть один цветок продала? Ну да это не наше с тобой дело.

– Так она?!. И все знают, и даже здороваются с такой?! У нас в деревне ей бы давно волосы пообрезали!

– Здесь не деревня. Да и куда ей идти? На фабрику? Так там женщины в двадцать лет старухами становятся. От девичей красы и воспоминаний не остается. Или в таверну пиво разносить? Заниматься тем же, только по приказу трактирщика? Нет уж, верно сказал Спаситель: «Не судите, да не судимы будете».

– Простите, а Реми – это кто? – решил сменить неприятную тему Поль.

– Предшественник твой. Убили его, вот ведь беда какая. Такой мальчик был хороший, воспитанный, все книжки читал, почти всю зарплату на них тратил. Говорил, хочет ученым стать. А его какой-то хулиган ножом зарезал. Прямо среди бела дня, сиротиночку. – Мамаша Лор промокнула глаза фартуком.

– Вот как?! Да, нечего сказать, на веселое место я попал, – озадаченно протянул Поль. – Подождите, а какие книги он читал? Я тоже книги люблю, а в комнате ни одной нет.

– Так они все в чулане лежат. Мы как схоронили бедняжку, так я их в мешок, да и в чулан. Хочешь – посмотри, только неинтересные они, сплошная арихметика. Скука, одним словом, но Реми нравилось.

Покушав и расплатившись последними деньгами, Поль отправился в чулан. Зарплату в «Розе ветров» выдавали по субботам сразу за неделю, то есть деньги он получит завтра, так что с голоду не умрет. А вот от любопытства может – очень уж захотелось посмотреть, какой такой арихметикой увлекался бедняга Реми.

Оказалось, действительно, математикой парень занимался всерьез. Пять книг по алгебре и геометрии, да десяток исписанных мудреными формулами тетрадей. Понять их Поль даже не попытался, но для себя сделал вывод, что думать его предшественник умел.

Внезапно из одной из тетрадок выпал неровно оторванный листок.

Сверху аккуратно чернилами была написана дата – 21 апреля. А дальше грифелем в неровный столбик:

17.01 – с

17.16 – з

17.35 – ж

17.40 – с

18.01 – ж

18.13 – о

18.28 – с

И так далее. Если цифры означают время, то последняя запись сделана около девяти часов вечера, в 20.56, если точно. Что такое? Заинтересовавшись, Поль пересмотрел все книги и тетради Реми. В них, среди множества формул и иногда смешных рожиц, изредка встречались такие же записи.

Также сделанные кое-как, карандашом, как правило – в вечернее время, а сверху аккуратно чернилами проставлялись даты. Хотя были и дневные записи. Поль потратил час на подсчеты и убедился – эти дни оказались воскресными.

Большая квартира на улице Пекарей

– Господин, мы такого раньше никогда не видели! Он залез на крышу прям по стенке! Как таракан на кухне! Вот как стоял, я и моргнуть не успел, а он уже с крыши тем разбойникам рожи корчит.

– Ну да, среди ночи ты эти рожи отлично разглядел, лучше, чем днем… – Сидевший в углу комнаты дворянин усмехнулся. Впрочем, в комнате, освещенной лишь лунным светом и горящей на столе свечой, улыбки видно не было.

– Вот вы шутите, а я как есть все рассказываю. Луна-то, вон она, полная! Точно рожи корчил, как мальчишка.

– Так он и есть мальчишка… который у вас ужом между пальцами проскочил.

– Да ведь… мы ж того, мы ж за ним тихонечко шли. Да если б не эти олухи из подворотни… Вы ж как сказали? Чтоб посмотреть за ним. А тут эти как выскочат, а он как сиганет, раз – и уже наверху, словно взлетел, как маг какой, ей-богу! Ну, или дворянин…

– Взлетел?! То есть никакой это не бедный родственник?

– Вот уж нет! Уж тут поверьте, именно залез, безо всякой магии, просто ловко так, вот точно, словно таракан.

– Ловок, значит? А не срисовал ли он вас по дороге? Заметил, что за ним следят, приготовился к нападению?

– Господин, ну мы ж не новички сопливые! Да и парень – простак простаком. Мы ж не в первый раз! Вы ж знаете! Если человек слежку замечает, да еще когда один, да ночью, у него завсегда походка меняется, дергаться начинает, хоть как-то, но оглядываться. А этот, хоть и страшно ему было, ночь все-таки, вокруг ни души, но шел спокойно, головой не крутил. Не, пентюх деревенский, как есть говорю.

– Больно ловкий нам пентюх попался. Однако тебе в этих делах я доверяю. Что же, тогда полностью переключаемся на полицейского. И не дай вам Спаситель засветиться – шкуру спущу! Да, и плату за вчерашнее вы не получите. Вот только, – господин протянул несколько монет, – передашь своим, чтобы с голоду не сдохли. И не вздумайте сегодня напиться! Уже завтра беритесь за амьенца.

Когда здоровенный косматый детина, эдакий типичный грабитель из трущобной подворотни, ушел, дворянин встал из стоявшего в темном углу кресла и открыл дверь в соседнюю комнату.

– Прошу вас, господин. Все слышали? Что скажете?

Пожилой, седой и сгорбленный мужчина неторопливо прошел и, кряхтя, разместился в кресле, в котором только что сидел хозяин комнаты. Так что лица мужчины в полумраке видно не было. Луч лунного света лишь серебрился на длинных седых волосах, играл на янтарных чётках, которые плавно перебирали иссохшие руки, да на отполированной рукояти длинной шпаги, неуклюже смотревшейся у этого старика.

– Значит, ловкий мальчик умеет лазить по стенам и не прочь подразнить злых разбойников? Кстати, кто они?

– Да обычные отбросы, будьте уверены. Они в том месте не впервой промышляют.

– Так что думаете, это действительно деревенский олух? Не посланец от королевского интенданта?

– Видимо, так. – Дворянин пожал плечами. – Но присмотреть за ним все равно следует. На всякий случай.

– Что же, вам здесь, на месте, виднее. А я, с вашего позволения, откланиваюсь – очень уж спать хочется.

С этими словами старик встал, все также кряхтя вышел из дома и, по-стариковски шаркая, побрел вверх по улице. Но чем дальше он шел, тем тверже становился шаг, выпрямлялась спина, разворачивались плечи и исчезала седина. Так что в уютную гостиницу в центре города вошел уже молодой человек, который звонким голосом крикнул:

– Хозяин! Вина и мяса, я голоден, как сотня каторжников! И позови Рози! Отдыхать буду!

Глава V

Вечером, сидя в небогатой, но чистой таверне при гостинице, рекомендованной Тома («недорого, прилично и готовят – пальчики оближешь»), Вида засыпал унтер-офицера вопросами. Уплетая здоровенного, горячего, только что запеченного каплуна, запивая одним-другим-пятым стаканом вина, он с почти детским восторгом слушал рассказ о событиях годичной давности, когда своевременное вмешательство всего одного, но прекрасно обученного взвода, под командой одного, но чрезвычайно грамотного полицейского сержанта решило исход целой военной кампании.

В общих чертах эту почти эпическую историю знал весь Амьен, но подробностей не знал никто. Полицейский сержант возвратился в город кавалером Алой звезды – высшей награды Галлии для гражданских простолюдинов – и тут же был произведен в лейтенанты. А с лейтенантом уже вот так запросто не поболтаешь.

Тома тоже о многом не знал, о чем-то умолчал, но уж про жаркий бой, который пришлось принять его солдатам на улицах Кале, рассказал все. Хотя… что такого особенного может поведать участник схватки? Как кричали, умирая,

люди? Как споткнулся о труп ближайшего друга и уже простился с жизнью? И как грудью закрыл его молоденький солдат, которого всегда считал худшим из своих бойцов?

Ну да, об этом, еще о звоне и скрежете клинков, вони пробитых кишок и звериной, заглушающей животный страх ярости, какой не испытывал никогда раньше и, даст Спаситель, не придется испытать впредь.

– Так что, когда помощь подоспела, нас и осталось-то всего дюжина, тех, кто еще дышал. А таких, кто идти мог, их и вовсе не было. Спасибо горожанам – отвезли в госпиталь, а там нас, представляешь, маг лечил, прямо как благородных. Вот, стало быть, как мы выздоровели. Ажан, ну, то есть теперь-то господин виконт де Камбре, он как выздоровел, так сразу в Амьен умотал, а мы задержались. Тут нам и предложили остаться в Кале. Сам господин де Жаме, представляешь, в госпиталь пришел и лично предложил: мол, с господином графом он все утряс, дело за нашим согласием. Всем даже зарплаты положили, каких и в королевской гвардии, поди, не платят, и подчиняемся мы лишь лично ему да господину де Фотельи, полковнику!

– С ума сойти. – Вида пораженно уставился на собеседника. – Если б сегодня сам не увидел – ни за что б не поверил. Это что ж вы такое делаете? За эдакие деньги?

– Разное, – резко ушел от ответа Тома. – Сейчас вот тебе помогаю. Ну да ладно, заболтался я с тобой; иди-ка ты спать, да и мне, пожалуй, пора.

Распрощавшись, унтер-офицер встал, но пошел не к выходу, а, многозначительно покручивая ус, к трактирной стойке, за которой командовала пухленькая миловидная хозяйка.

«О, кажется, не просто так мне посоветовали эту гостиницу, – подумал Вида. – С другой стороны, кормят здесь и впрямь неплохо, и цены божеские. А остальное… если уж платить, то лучше своим. Да и спать охота, сил нет».

Зависть? Вот ее не было вообще. Во-первых, потому что господин королевский интендант не скупится оплачивать хорошую работу, а во-вторых, Вида прекрасно понимал: просто так военным не платят. Слишком немногим бойцам из взвода Тома суждено умереть своей смертью.

* * *

Следующий день начался с нового похода к местным коллегам.

Вторая попытка попасть на прием к интенданту полиции барону де Буко увенчалась успехом. Впрочем, решающим оказалось активное участие в этом предприятии унтер-офицера Тома, который во всеуслышание объявил, что должен лично передать письмо коменданта гарнизона господину интенданту и отрежет уши всякому, кто посмеет ему помешать. С Тома спорить никто не стал. Видимо, бывали уже прецеденты.

– Что там у вас, давайте уже. – Плотный, с красным лицом обжоры, одетый в ярко-желтый кафтан и желтые панталоны барон де Буко нетерпеливо протянул руку. – А этот, – он кивком указал на Вида, – вообще может быть свободен. Нечего ко мне толпой ходить, ты б еще сюда со взводом приперся или с ротой, чего там.

– Будет приказ – припрусь, – спокойно ответил Тома. – А у сержанта амьенской полиции для вас послание от господина интенданта Пикардии.

Интендант полиции отнесся к этим словам с полнейшим равнодушием, но руку за письмом протянул.

Пока великий муж читал корреспонденцию, Вида оглядел кабинет. Большой, светлый, почти как у главы амьенской полиции. Только очень уж много позолоты. На мебели, на рамах крикливых картин с полуголыми бабами, даже на дверных косяках. Как правило, так обустраивали свои дома дворяне не наследные, купившие титулы. Или сам барон как раз из таких?

С другой стороны, какая разница? Сам-то Вида вообще никакой не дворянин, и никогда им не будет. Так что следует проявить почтение, куда деваться.

– Та-ак, – многозначительно протянул де Буко, закончив читать и недобро взглянув на полицейского. – Стало быть, господин королевский интендант изволил послать тебя в Кале делать нашу работу. А мы, стало быть, должны тебе помогать… может, задницу тебе подтирать, ну, или хотя бы башмаки чистить?

От такого тона Вида лишь зубами скрипнул. А что делать? Дворянин, барон, имеет право хамить. А его дело терпеть. Не нравится? Можешь катиться из страны к демоновой матери, туда, где с тобой как с человеком разговаривать будут. Только где ж такое место? Нет его под небом, а выше нам пока рано. Да и попадешь ли в рай, с такой-то работой?

Так что отвечать пришлось очень вежливо, спасибо Ажану… то есть его светлости виконту де Камбре – снабдил аргументами.

– Не надо ничего подтирать и чистить, ваша милость, достаточно передать мне материалы по убийству, а дальше мы уж сами, вот с господином унтер-офицером поработаем. Если выделите кого в помощь, будем благодарны. Да, и вот, извольте ознакомиться, – Вида передал еще один запечатанный конверт, – шевалье де Ренард вам письмо написал.

Тут уже поведение барона поменялось кардинально. Конверт от Ренарда он взял так, как лейтенант берет в руки приказ маршала. Вскрыл аккуратно, краткое послание читал долго и внимательно.

– Что же вы, уважаемые, с главного не начали? – В голосе господина интенданта прозвучал искренний укор. – Разумеется, любое содействие будет оказано! Вот только помощник… честно говоря, не представляю, кого вам и предложить… Наслышаны мы о чудесах в амьенской полиции, где сержанты звезды получают и вообще баронами оказываются, у нас-то попроще все, по старинке, можно сказать. Опять же дело ваше, если в нем такие люди заинтересованы… не дай бог, кто посторонний чего лишнего узнает. А наши-то, они того, языком потрепать горазды, особенно когда выпьют. Да вы и сами, сержант, – де Буко впервые обратился к Вида на «вы», – понимать должны. Впрочем, – интендант даже щелкнул пальцами, обрадовавшись внезапно пришедшей мысли, – есть вариант! Капрал Ферье! Ничего в нашем деле не понимает, ничего не умеет, служит всего неделю. Но! Младший сын богатого купца, весьма влиятельного в нашем городе. Послан отцом в полицию, чтобы здесь продвинулся и отсюда защищал интересы семьи.

– Кто? Папенькин сынок? Да Спаситель с вами, ваша милость, не будет у нас времени с ним возиться! – Вида оторопело уставился на собеседника. – Встречал я таких – все как один лентяи, хвастуны и зазнайки, он же все дело нам порушит! Да лучше никого, чем это чудо!

А де Буко, откровенно довольный своим решением, вальяжно прошел к рабочему столу и с явным наслаждением сел в кресло, только что не потянулся.

– Вот здесь вы неправы, сержант, – улыбка господина интенданта лучилась самодовольством, – именно Ферье будет бегать, как ошпаренный, по любому вашему даже не приказу, просто намеку. На лету все хватать будет. Потому что папаша сынку объяснил, что хотя тому и присвоили капрала за фамилию, но полицейским он должен стать настоящим, иначе толку от него семье будет мало. Доходчиво так объяснил – у господина капрала синяк под глазом до сих пор не сошел. Нет, более исполнительного помощника я вам точно не подберу. А уж умение хранить секреты – это у купеческих сыновей в крови, тут и вовсе можете не сомневаться.

С такими аргументами пришлось согласиться. Договорились, что на время работы в Кале сержант Вида расположится в кабинете по соседству с де Буко, предназначенном для заместителя интенданта полиции, которого пока не существовало в природе – мэрия, утвердив штатное расписание, денег на его оклад до сих пор не выделила. А как же, приезжий коллега и военный ищут похищенное письмо к самому господину адмиралу! Надо проявить уважение. А посмеемся потом, когда провалятся эти двое с треском. Почему провалятся? Да потому что в славном Кале такие дела никогда ничем хорошим не заканчивались.

Однако кабинет, следует отдать должное, оказался столь просторным, что в нем легко разместились три стола. Два заняли Вида и Тома, а за третий уселся Тео Ферье – худощавый русоволосый юноша, под левым глазом которого действительно просматривался не до конца сошедший синяк.

А первыми посетителями кабинета стали двое полицейских, те самые, что так негостеприимно встретили сержанта на стоянке дилижанса. Точнее, на том месте, где дилижанс остановился. Об этом они и рассказывали, сбиваясь, перебивая друг друга, стремясь угодить этому важному человеку, который разместился в таком важном кабинете. А они-то его за бродягу приняли, даже по ребрам ногой съездили… не дай бог, припомнит! Нехорошо-то как получилось.

Точно, припомнил! Вона как кулак мнет. Надысь ребята рассказывали – вышел этот сержант во двор, злой, как собака, поднял с земли кирпич да вдарил по нему ентим самым кулаком. Развалился кирпич. Страшно.

– Значит, эта, мы-то, стало быть, как вы уйти изволили… – После этих слов Вида демонстративно погладил пострадавший бок, чем еще более подстегнул желание сотрудничать у этих орлов правосудия. – Да, так вот, мы ножик-то тот подобрали: мол, чего ж ему на дороге-то валяться. Хороший ножик, вот, он у нас всегда с собой.

Один из горе-полицейских вытащил складной нож с кольцом на вершине сильно изогнутой рукояти, украшенной точеными роговыми пластинами. Очень широкое листовидное, бритвенной остроты лезвие, длиной чуть побольше ладони, таким не нанесешь уверенного укола, зато очень удобно резать.

– Его в Кастилии делали, точно, есть такой городишко, Альбасете, вот там их и делают, я точно знаю, – продолжил один из полицейских. – Все выкидухи, навахи по-ихнему, они из Кастилии, только в других-то городах они не такие, все больше пырять пригодные. Тока здеся все по-другому, так что, ежели человек к такой привык, его и дальше к ней тянуть будет.

Вида взял в руки необычное оружие, раскрыл, попробовал повертеть в руке.

– Только осторожней, господин сержант, – забеспокоился другой полицейский, – если лезвие неплотно защелкнуть, можно и без пальцев остаться. Вот, смотрите, как надо. – Он взял нож в руки и что-то с ним сделал, после чего раздался звонкий щелчок. – Все, теперь можно крутить-вертеть сколько угодно!

– Интересная штука. – Вида вновь поиграл ножом. – А что, в Кале много мест, где такие купить можно?

– Да мест-то много, только вот качество у них… того, никудышное. А вот чтобы такого же красавца найти… у нас, на рынке, таким товаром лишь старый Бенито торгует. Ну, может, еще у Силино неплохие клинки бывают, а так все; остальное так, ерунда, молодежи перед девчонками хвастаться. Смотрятся грозно да шикарно, а по сути – игрушки. Да вы не волнуйтесь, господин сержант, мы ж их обоих вот прям сегодня же расспрошаем, все вытрясем.

Это уже бравые полицейские говорили, резво пятясь назад. И, достигнув двери, дружно выскочили и рванули в город.

– Стой, куда… Ведь напортачите!

Да куда там, только сапоги прогрохотали по коридору. Исполненные энтузиазма орлы умчались окрыленными, в надежде оправдать и искупить. Одно им осталось непонятно – чего этот Вида прицепился к кучеру дилижанса. Мол, кто такой, где обычно останавливает свою повозку, в каком стойле держит лошадей, ночует ли в городе, всегда ли по этому маршруту ездит; да много еще вопросов им было задано. Зачем? А вот это двоих друзей и вовсе не волновало. Вообще, чем они полезней, тем лучше. Нет, ну демон их дернул тогда сержанту нахамить, да еще раненому, да еще по ребрам съездить. Чтобы такое забылось, надо очень постараться, чем они и решили заняться со всем пылом перетрусивших душ.

Вечером Вида и Тома возвращались в гостиницу. Звонко шлепали по булыжной мостовой башмаки, подбитые металлическими набойками; неяркое, уже спускавшееся к горизонту солнце окрашивало дома веселым розовым светом, неплохо поработавшие за день мужчины неспешно болтали.

– Слушай, а что сегодня такое было? Сперва этот благородный гусь нас в упор не видел, а после письма Ренарда готов был луну с неба достать? – поинтересовался Вида.

– Да просто ты с козырей пошел, – ответил Тома, с интересом разглядывая проходивших мимо хорошеньких горожанок. – Если б в первый раз сразу представился посыльным от Ренарда, у тебя б вообще проблем не было. Кале – город портовый, купеческий. Здесь короля Галлии чтят, прошлым летом все от мала до велика насмерть с островитянами бились, никто за титулы и капиталы не прятался, но все же жизнь у нас зависит от порта и торговли, да и полиция не на деньги казны содержится. А господин… э… шевалье де Ренард, он один из крупнейших воротил, к его слову здесь всегда готовы прислушаться. Я тебе завтра нужен?

Вида пожал плечами.

– С утра точно нет. Возьму нашего юношу, схожу с ним в контору, где работал покойный, как ее… «Роза ветров»? Вот туда и сходим, пообщаемся с сослуживцами. А на тебе эти горе-полицейские. Мне-то с ними общаться не с руки – слишком кулаки чешутся. Но, бог даст, что-то интересное они расскажут. Ты уж побеседуй с ними, а к вечеру подходи в полицию, подумаем, куда дальше

копать.

* * *

Утро для мэтра Планеля началось со стука в дверь. Не аккуратного, каким стучали посыльные, не робкого, как у опоздавших конторщиков, а непривычно уверенного, почти наглого.

Озадаченный мэтр открыл не спеша, уже готовясь либо наорать на нахального посетителя, либо угодливо улыбнуться внезапно нагрянувшему начальству. Оказалось, ни то, ни другое. На пороге, смущенно улыбаясь, стоял молодой Ферье. На его спутника Планель особого внимания не обратил.

– Здравствуйте, дядя Люк.

– Тео? И тебе не хворать. Тебя отец послал?

– Нет, дядя Люк, я… ну, мы… вот, познакомьтесь…

– Господин Планель? Я сержант амьенской полиции Вида. Нам надо поговорить.

Это было сказано твердым голосом, каким говорят люди, уверенные в своих правах. Так с уважаемым купцом мало кто мог позволить себе разговаривать. Обидно, черт возьми!

– Амьенской? – Планель язвительно прищурился. – А что амьенская полиция делает в Кале? Разве у нас своей нет?

– Конечно, есть! Вот, позвольте представить, капрал вашей полиции Ферье! – С широкой улыбкой Вида положил руку на плечо молодого человека. – И у нас, – он голосом выделил это «нас», – есть вопросы. Мы можем войти или предпочитаете разговаривать на улице?

– Да, конечно, пройдем в мой кабинет… Тео, ты полицейский? И даже капрал? Давно?

– Всего неделю, дядя Люк, – смущенно ответил Ферье, робко присаживаясь на стул в дальнем углу довольно просторного кабинета.

– Итак, господин Планель, – перешел к делу Вида, – у нас вопросы, касающиеся вашего сотрудника Легроса.

– Кого? Какого еще… ах, вы о бедняге Реми… уже бывшем сотруднике, к сожалению. Да, его убили в прошлом месяце. Вы надеетесь найти убийцу?

– Мы ищем некий документ, который был у Легроса. Письмо в конверте с печатью господина королевского интенданта. Вам оно не попадалось?

Однако! Мальчишка умудрился влезть в крутые интриги, от которых должен держаться подальше всякий здравомыслящий человек.

– Боже избави, господа! – В голосе купца появились угодливые нотки. – Реми был тихим, аккуратным юношей. Господи, да у него и друзей-то не было. Только работа и математика. Больше его, по-моему, ничего и не интересовало. Откуда у него какое-то письмо? Он вообще сирота. Сколько помню, ни разу его даже со сверстниками не видел, представляете? Или на работе, или, если свободное время, приткнется где-нибудь да все чего-то читает или пишет. Я пару раз в его записи заглядывал, так там сплошь расчеты, формулы какие-то, чушь, короче. Да и молчалив был, слова лишнего из него не вытянешь.

– Что, прямо так и не разговаривал с вами? – спросил Вида.

– Ну… не то чтоб совсем… по делу-то конечно. Или вот в последний день, утром, сказал, что разгадал тайну отплывших кораблей… вы знаете, что это?

– Слышали, – кивнул сержант. – Так в чем там дело оказалось?

– А вот это и неизвестно. – Планель тяжело вздохнул. – Не до того мне тогда было, дела, сами понимаете. Решил, что вечером послушаю мальчишку, а оно вон как получилось. Эх, да чего уж теперь…

– Вещи после него какие-то остались? Вы их внимательно осмотрели?

Оказалось, до этого у уважаемого мэтра руки не дошли. Да и какие там вещи у сироты? Так, пара штанов, пара рубах, башмаки да куртка. Может, еще чего, но уж точно не купеческий гардероб. Это все жена на рынок старьевщикам давно уж отнесла, не пропадать же добру. Да, какие-то тетрадки остались!

– Лоретта, ты не помнишь, где тетрадки Реми? – крикнул он в коридор.

– Я их Полю отдала! – донеслось со стороны кухни. – Если надо, посмотри в его комнате!

Комнатой господин Планель гордо называл маленькую каморку без окон. На кое-как заправленной кровати валялись шесть тетрадок, в углу валялись книги по математике. Было очевидно, что ими хозяин комнаты не заинтересовался.

– Вроде бы тетрадок побольше было, – неуверенно сказал Планель. – Но это надо у Поля спросить… он сейчас в торговой гильдии, там работает, как раз обязанности Реми выполняет, преемник, можно сказать.

– Преемник, говорите? Вот что, капрал, – Вида обратился к Ферье подчеркнуто официально, – прошу вас сходить в гильдию, найти этого Поля и выяснить, куда и зачем он дел остальные тетради.

После ухода помощника сержант опросил всех, кому не посчастливилось находиться в этот день в доме Планеля. Нудно, дотошно, до отвращения скрупулезно.

Результат – почти ноль.

То есть узнал, что Реми был юношей серьезным, вежливым и аккуратным, а еще немного нелюдимым. Дружбы ни с кем не водил, компаний избегал. В свободное время все больше с книжками да тетрадками сидел или по городу гулял, и тоже один. Впрочем… иногда его видели с Софи – проституткой, поджидающей клиентов как раз около торговой гильдии под видом продавщицы цветов.

Почему продавщицы? Так к купцам на работу иногда и жены заходят, и веселую женщину рядом с работой мужей никогда не одобрят. А здесь все прилично – торгует девушка, для той же любимой супруги можно букет купить. Красиво и

все довольны.

Но чтобы Реми с ней?! Даже не смешно, откуда у него такие деньги? Нет, господин сержант, и не сомневайтесь, они только гуляли, когда у него свободное время, а Софи без клиентов. А такое совпадало нечасто, можно сказать, совсем редко, но все же случалось.

Ну и что вы, господин сержант, будете с этой информацией делать? Весь день впустую. Можно, конечно, завтра эту кокотку расспросить, только что она знать может? Так только, для очистки совести.

Тем не менее после обеда Вида пришел в полицию – надо все, что узнал, положить на бумагу со всеми подробностями, какими бы незначительными они ни были. Этому его Ажан… то есть господин виконт де Камбре крепко научил.

И когда справка была почти дописана, в кабинет вошел доблестный капрал Ферье! Почему доблестный? А как еще назвать человека в дорогущем кафтане, а не в куртке с полицейскими нашивками, в которую был одет еще утром, гордо сверкающего свежими ссадинами на юной физиономии?

– Друг мой, вы никак поучаствовали в сражении? Отразили очередное нападение Островной империи? Надеюсь, успешно? Садитесь и рассказывайте…

Глава VI

Что может быть скучнее канцелярской работы? Сидишь и тупо переписываешь из одной амбарной книги, той, что поменьше, в другую, которая потолще. Потом маленькая вернется в канцелярию порта, а большая останется в торговой гильдии. А когда обе будут заполнены до конца – уйдут в архивы, где и останутся лежать никому не нужными до конца времен. Ну, или пока их мыши не сгрызут. Веселая такая работа, перспективная…

Впрочем, даже эту беспросветную тоску можно победить, если увидеть в ней тайну. Например, почему именно Реми, сидевший за тем же самым столом, тупо заполнявший те же самые журналы, вдруг решил заняться тайной отплывших

кораблей? И даже нашел решение! Хвастался на пустом месте? Вряд ли. Он математик, по крайней мере, был влюблен в математику. Стало быть, готов был не только назвать ответ, но и привести доказательства.

А ты, Поль Пифо, способен на такое? Тем более что у тебя есть подсказка – записи Реми. Ну что, готов? Тогда открываем еще вчера вызывавшие отвращение толстенные книги, кладем рядом тонкую тетрадь и начинаем сопоставлять, анализировать, думать. Увлекательнейшее, оказывается, дело.

И вдруг… Как всегда, в самый неподходящий момент это проклятое «вдруг». Кто там на улице кричит на весь квартал, чтобы вот прямо сейчас, прямо немедленно доставили пред его светлые очи некоего Пифо? А не то учинит он здесь разор и опустошение!

Можно, конечно, наплевать, местная охрана свое дело туго знает, но ведь интересно же. Да и безумно захотелось хоть ненадолго выбраться из сумрачной пыльной конторки, посмотреть на голубое небо, вдохнуть пусть и по-городскому несвежего, но все же вольного воздуха. Что же, выходим из темной конторы на площадь. Господи, как солнце глаза слепит.

Итак, кто здесь такой грозный?

Хм, паренек на пару лет нас старше, ну так это ерунда. А вот то, что на его куртке нашивки капрала полиции, это уже серьезно. Он что, с малолетства служит или действительно герой? Бывают такие, нам ли не знать, но этот-то на них никак не похож. А похож он на богатенького хлыща, за папины денежки купившего себе звание, которое люди годами и ранами зарабатывают. С таким уже и разговор другой.

– Эй ты, чего хотел? Ну я Поль Пифо, что дальше?

Такой наглости юный капрал не ожидал. За ту неделю, что ему довелось отслужить, он видел, как полицейских боятся, как полицейским льстят, как суют взятки, но чтобы кто-то позволил себе вот так разговаривать?! Его отец, тот да, мог и послать, а мог и кулаком по служивой морде влепить, но то отец, уважаемый человек, а не этот червяк!

За ту же неделю службы Ферье не раз видел, как коллеги призывали горожан к порядку, запросто, без затей съездив им в ухо, ну или куда там попадет. Решил пойти путем старших товарищей, но кулак почему-то вместо наглой рожи наткнулся на подставленную руку. А сам Пифо, вместо того чтобы, как положено, упасть и тихо утирать с физиономии кровавую юшку, набросился на обидчика, сбил с ног, и они покатились по булыжной мостовой.

Ферье был тяжелее и сильнее, но Поль оказался ловким и вертким, так что драка затянулась на потеху стоявшим вокруг купцам, даже не подумавшим разнять бузотеров. Зачем? Кулаками друг друга не убьют, а зрителям – развлечение.

И вдруг в самый разгар жаркой схватки на обоих драчунов обрушилась вода. Парни расцепились и, усевшись на землю, стали протирать глаза, выискивая причину водопада. Дружно посмотрели вверх – вот демон, стыдно-то как… Над ними с ведром в руках стояла Софи, прекрасная, как волшебная фея, и грозная, как судья на процессе.

– Это что вы здесь творите? Дел у обоих нет – в серьезном месте безобразие устроили? А ну, пошли со мной, оба, пока полиция не схватила.

Поль угрюмо двинулся за девушкой, а Ферье сначала захотел возразить: мол, он сам полицейский, даже капрал! Но вовремя передумал – действительно, глупо все получилось, а если еще и патруль увидит – свои засмеют.

Троица в полном молчании отошла за квартал от здания гильдии, и только тогда Софи поинтересовалась:

– Чего не поделили, петухи?

Вопрос прозвучал как-то так естественно, что никто и не подумал усомниться в ее праве знать причину драки.

– При чем здесь не поделили? – ворчливо ответил Ферье. – У меня приказ – задать этому, – он кивнул в сторону Поля, – несколько вопросов.

– Приказ?! И что, в этом приказе так и было сказано – вначале мне по морде съездить?

– А ты не груби…

– А ты не хами…

Парни вновь набычились, сжали кулаки, готовясь к новой схватке, но Софи встала между ними.

– Что, не намахались еще? На себя посмотрите – мокрые, грязные, ободранные, как коты помойные, честное слово.

Вот ведь вредная девка! Но и не возразишь, демон побери.

– Тебя звать-то как? – скорее буркнул, чем спросил Поль горе-полицейского.

– Тео… э-э-э, капрал Ферье! – Он попытался принять горделивую позу. Получилось комично, но никто не улыбнулся. Действительно, хватит ругаться, человек ведь по делу пришел.

– Так чего за приказ-то был?

Однако, когда выяснилось, в чем дело, стало и вовсе не до обидок. Письмо с печатью самого королевского интенданта! Ищет его полицейский сержант из Амьена… и если амьенская полиция не отправила сюда взвод сержантов, то это тот самый Вида, попутчик… Но это их дела, к тайне отплывших кораблей отношения не имеющие.

– Нет, Тео… извини, господин капрал, извините…

– Да ладно уж, чего там, пусть будет Тео. – Полицейский протянул правую руку, а левой погладил опухшую челюсть.

– Тогда Поль. – Пифо пожал руку и потер подбитый глаз. – Не было в его бумагах никаких писем, точно говорю. Вообще, жаль парня – умница был. Я его тетради смотрел – ничего не понял, кроме одного. Если уж он настолько в свою

математику влюбился, далеко бы пошел. Если б на нож не нарвался.

В этот момент Софи шмыгнула носом. Юноши дружно взглянули на нее – на глаза девушки наворачивались слезы.

– Софи, что случилось? – обеспокоенно спросил Ферье.

Только сейчас Поль сообразил, что общаются они довольно долго, но ни Тео, ни девушка друг другу не представились. Так они знакомы! И полицейский знает, чем она занимается. И разговаривает… м-да… прямо как с равной.

– Ну, чего уставились оба? – Наверное, это должно было прозвучать с вызовом, но сквозь слезы получилось только жалко. – Реми, он странный был. Бывало, все вечера смотрел на порт да что-то в своих тетрадках писал. А в тот день, точнее утро, ну, когда… так вот, подошел ко мне, сказал, что скоро разбогатеет сказочно, чтобы я свое дело бросала, ну… да… в общем, сказал, что он у меня один будет… вот.

– Даже так?! – У Тео загорелись глаза. Неужели нашел? – Он говорил о том письме, с интендантской печатью?!

Увы.

– Нет, я же говорю, странный он был. Сказал, что разгадал тайну отплывших кораблей. – Девушка кулаками потерла глаза. – Собирался пойти в ратушу, сообщить новость и вернуться уже богачом. Только какие-то бумаги или расчеты, в общем, что-то там подготовит – и вперед, навстречу славе.

– То есть о письме ни слова? – Ферье разочарованно вздохнул, но тут же вновь оживился. – А вдруг он просто придумал про корабли? А на самом деле хотел то письмо продать? А вдруг…

Фантазия молодого полицейского разыгралась, понеслась вскачь, не выбирая дороги. Вот же, рядом стоит человек, который может что-то знать! Нужно только спросить! Как вчера сержант Вида говорил? Главное, задать правильные вопросы, так вот и надо их задать! Он уже забыл, что посылали его расспросить Поля Пифо, какой Пифо, когда вот она, удача, только руку протяни!

– Ты кому-нибудь об этом рассказывала?

– Ну да, в тот же день, а что такого? Есть у меня один клиент, можно сказать, постоянный, он еще о купцах поболтать любит, говорит, что так ему со мной интереснее. Ну, я и рассказала, как шутку. А что такого?

Поль слушал, не понимая, как это вообще может быть? Софи, умница и красавица, как о самом обычном деле говорит, как продает себя, словно те же цветы, а Тео так же спокойно слушает, даже бровью не поведет! Что, профессия Софи такая же уважаемая, как и любая другая? Вот чудеса!

За этими размышлениями Поль пропустил часть разговора мимо ушей, вернувшись к нему, лишь когда услышал вопрос Софи:

– Ты всерьез собираешься идти в полицию в таком виде?

Ферье осмотрел свою изгвазданную и порванную одежду, бросил взгляд на бывшего противника…

– Да, как-то… Тогда идем ко мне! Переоденусь, да и Поля в порядок приведем!

– Тео, ты гений! Разумеется, идем! – Просушив слезы, Софи стала язвительна до очарования. – А уж как твоя матушка будет рада видеть меня в своем доме! Обещаю, ближайшие дни ты обречен выслушать столько слов ее благодарности!

Но разве такие мелкие преграды способны остановить молодого полицейского, уже почувствовавшего запах славы? Решение, впрочем, естественное для любимого сынка богатенького папеньки, созрело мгновенно.

– Не беда! Давайте сейчас в ближайшую гостиницу, сниму для вас номер. Сидите тихо и ждите, я скоро!

И молодые люди направились в таверну «Старый боцман», на втором этаже которой сдавались номера. А что? Юноша и девушка желают снять номер на пару часов – дело житейское, лишь бы было оплачено.

На простоявшего в течение всего этого разговора в конце улицы оборванца никто из них внимания не обратил.

В небольшой комнате, где остались Поль и Софи, стояла лишь широкая кровать и одна табуретка. Назначение этой комнаты было более чем очевидно. Кровать противно скрипнула, когда на нее села Софи. А Поль уселся на табурет, перенеся его в дальний угол, на целый метр от кровати.

В свои четырнадцать лет он знал, что и как надо делать с женщинами в такой комнате, даже успел получить какой-никакой опыт. Но представить, что, как деревенскую простушку, можно завалить на вот эту скрипучую кровать вот эту похожую на сказочную фею девушку, у него не получилось.

До возвращения Тео пройдет не меньше часа, надо вроде бы о чем-то разговаривать, но о чем? О погоде? О природе? О работе? Ага, именно об ее работе, самая увлекательная тема. Но все же.

– Софи, а почему ты вчера меня не дождалась? Договорились же вечером вдвоем из порта идти…

– Слушай, ты из какой глуши здесь взялся? Ты что, всерьез считаешь, что я продажей цветов зарабатываю? – Девушка ответила неожиданно зло.

– Да… в общем-то… просто… я себя таким дураком чувствовал… ждал, понимаешь, а тут…

– Ну и что? Да, подошел клиент, кстати, тот самый, кому я о Реми рассказала. Предложил хорошие деньги, я что, должна была отказаться? С чего бы это?

– Погоди, не злись, – Поль успокаивающе поднял ладони. – Ты говоришь, тот же клиент… но ведь ты не собиралась идти в порт. Как же он тебя нашел? Случайная встреча? Тогда почему заплатил больше обычного? И о чем вы говорили? Ты сказала, что он разговаривать любит. О чем вчера разговор был?

– Да отстань ты, тоже мне, прямо как на исповеди – с кем, когда, да еще как! Твое какое дело?

Девушка демонстративно отвернулась, но юноша уже успел сложить два и два. Бесцеремонно пересадив собеседницу на табурет, он заблокировал дверь кроватью в твердой уверенности, что лучше быть напуганным дураком, чем отважным покойником.

В этот момент в дверь постучали.

– Господа, ваш товарищ заказал для вас вина, откройте дверь!

Разумеется, если б они сняли номер с той же целью, что и другие постояльцы, вино было бы к месту, но сейчас?! Тогда кто за дверью? Как там говорил друг: лучше пусть смеются над осторожным, чем славят покойника? Бежим!

Поль метнулся к окну – выходит на пустынный двор. Высоко, но он бы спрыгнул без проблем. Только вот Софи? Нет, не сможет. Тогда что? Даст Спаситель, простыни на кровати крепкие. Авось, как говорил тот же знакомый. Господи, только бы Софи сейчас не заартачилась!

Глава VII

– В общем, господин сержант, когда я вернулся, дверь в комнату была сломана, а ни Поля, ни Софи там не было. Хозяин таверны клянется, что вниз они не спускались, а кто дверь ломал, он понятия не имеет. Врет, сволочь, но стоит на своем твердо.

– Прямо твердо-твердо? Ну, это не беда. Господин унтер-офицер, – усмехнувшись над официальным тоном друга, Вида обратился к сидевшему в уголке Тома, – можно эту твердость проверить? Не хотелось бы тащить господина трактирщика сюда – уважаемый, поди, горожанин, потом замучаемся бумаги писать. А вот так, по-свойски, по-соседски побеседовать?

– Если только по-соседски, то можно, мало ли чего между соседями не бывает. К примеру, вечерком закатятся мои ребятки в его таверну, ну там выпить, песни попеть. Они у меня тихие, если их не трогать. Зато если тронуть, тогда, конечно, тогда пусть господь ту таверну спасает. Было уже пару раз. Так что или

трактирщик уважение проявит, или «Старый боцман» надолго закроется. Но это все потом. Вы послушайте, что наши новые друзья узнали!

Тома выглянул в коридор и в кабинет одновременно бочком, словно два робких бегемотика, протиснулись бравые полицейские и с со страху обратились к Вида как к дворянину:

– Ваша милость! Узнали! Все узнали! Всю правду вытрясли!

– Уж прямо и вытрясли, – вмешался в разговор Тома, – после вашей тряски весь город небось знает, кого полиция ищет.

Но энтузиазм и вера в правое дело этих орлов сыска были непоколебимы:

– Да не, господин сержант, нешто мы не понимаем. Будут торговцы молчать как рыбы, куда ж им деваться. На рынке торговать надо, а ежели их оттедова турнут, куда им податься? Они ж кастильцы, и весь доход у них здеся. Им с полицией ссориться никакого толку – без нашей защиты конкуренты сожрут. Так что мы только что душу из торговцев оружием не вытрясли. И нашли! Действительно, позавчера у мастера Силино ушла точно такая же наваха. Покупатель продавцу неизвестен, но товар оценивал уж очень придирчиво. Все ножи перетрогал, пересмотрел…

– Так как он выглядит-то? – Вида вернул заболтавшихся докладчиков к главному.

– Так обычно же! Роста среднего, не худ, не толст, черноволос, смугл, скорее всего, выходец из Валенсии – Силино сам из тех мест, так что говор опознал уверенно. Да, руки! Правая была на перевязи. А на левой-то кисти – шрам. Глубокий такой, прям от мизинца до среднего пальца, поперек ладони.

«А не мой ли это знакомый? – подумал Вида, вспомнив молодецкий удар своего юного спутника, спасший ему жизнь. – Но эта примета ненадолго – заживет рука, и нет ее. А вот шрам – это уже серьезно, его уж никуда не денешь. Но, опять же, такой шрам среди городского быдла не редкость, так что искать подонка можно долго. А черные волосы, усы и бородка? Запомним, может и пригодится».

– Да, господин сержант, – продолжили доклад полицейские, – завтра же Крикливый Жан приезжает! Как кто такой? Да тот самый кучер, с дилижанса, которым вы интересовались. Так что можете сами посмотреть, где он остановится да где заночует. Можете и порасспрашивать. А что, заведем сюда, съездим пару раз по почкам… Не надо? Вообще не наше дело? Ну, вы начальник, вам виднее…

Когда эти двое вышли, Вида перевел взгляд на унтер-офицера:

– Это все хорошо, но вот парня с девчонкой как теперь искать будем?

Вопрос, пусть и не ему заданный, Тео не обрадовал. Еще утром его распирало от гордости за мудрое, как казалось, решение. Действительно, Поль и Софи, под видом любовников, должны были дождаться, пока он переоденется, приведет себя в порядок и, как и положено достойному полицейскому, отведет их к грозному господину сержанту.

Что в результате? Сломанная дверь, раскрытое окно, разворошенная кровать с неизвестно куда подевавшимся бельем. И наглая морда трактирщика, утверждающего, что ничего не видел и не слышал.

А взгляд сержанта, словно на прикованного к постели неизлечимого больного, а его плотно сжатые губы, а его вздох… Господи, вот же напортачил!

Вдобавок вечером бойцы Тома устроят дебош в «Старом боцмане», а потом дело передадут в мэрию, будет скандал и долгая склока с негарантированным результатом – народ в Кале за себя постоять умеет.

М-да… а уж как папа будет доволен – хорошо сын службу начал, просто отлично! В смысле – отличился. С другой стороны – сын в полицию не рвался, а раз отправил, так помоги, отец родной.

– Э-э, господин сержант… – Вида посмотрел на Тео, как на заговорившую чернильницу: мол, уж молчал бы, после того как дров наломал.

Но парень твердо решил, что исправлять ситуацию надо самому.

– Господин сержант, – голос стал тверже, – не посылайте солдат в таверну. Думаю, я сам с трактирщиком договорюсь. Ну, с папиной помощью, разумеется…

То ли благодать божия спустилась в тот день на Вида, то ли вспыхнувший в глазах молокососа азарт напомнил собственную молодость, но три часа на исправление ошибки он дал. Больше нельзя, дело не ждет.

Как уж разговаривал Ферье-младший с Ферье-старшим, осталось семейной тайной, но не успело еще солнце сесть за горизонт, как в таверну «Старый боцман» вошли три господина, одетые в одинаковые серые камзолы. От этого визита у трактирщика защемило сердце и мерзко засвербело в животе.

Приказчики. Причем непростые. С недавнего времени пошла по Кале мода – доверенные, самые высокооплачиваемые приказчики, те, кому поручали самые ответственные дела, стали одеваться именно так. Мол, мы не стремимся поразить вас роскошью, мы люди скромные, как палачи. Только те на плахе вас без голов оставляют, а мы в тиши своих контор – без денег. Палач за нарушение законов карает, а мы – за нарушение договоров.

И вот входят сразу трое. Конец? Трактирщик тоскливым взглядом окинул свое заведение. Такое уютное, такое прибыльное, в которое вложен каторжный труд, и свой, и всей семьи. То, что мечтал оставить сыну. Все прахом? Почему? За что?

Трое сели за стол у самого окна и пальцем, словно мальчишку, подозвали к себе. Пошел, куда деваться.

– Ну так что же, милейший, – начал разговор низенький толстенький человек в сером, – вы помните, надеюсь, сколько и кому вы должны?

– Разумеется, господа, но сроки возврата еще не скоро, а проценты я плачу исправно. – Несмотря на уверенность в сказанном, голос трактирщика прозвучал хрипло.

– Платите проценты, и все? А нет ли в ваших договорах еще условий, которые вы обязаны выполнять? Например, вы не должны иметь конфликтов с властью. Неужели забыли? Так мы напомним, не беда. Вот договор с нашим торговым домом, пункт одиннадцатый. Уверен, в договорах, которые принесли мои коллеги, есть что-то подобное.

Все трое достали договоры. Демон! Крупнейшие кредиторы, если они потребуют оплаты одновременно – всё! Долговая тюрьма навеки, и плевать на всю доходность таверны – такие деньги за год не собрать. Но почему?

– Господа, я не понимаю… Я вовремя плачу налоги, я выполняю все предписания магистрата, клянусь, у властей нет ко мне претензий!

– То есть и у полиции нет претензий? А вот капрал Ферье говорит, что есть. И как-то мы ему верим. А главное, ему искренне, без малейшей тени сомнения верят ваши кредиторы. Желаете поспорить? Например, в суде?

Вот ведь… Стоп! Капрал Ферье, не родственник ли того Ферье? Разодетый как салонный хлыщ, без положенных нашивок мальчишка, что приходил сегодня… Точно, он кричал, что капрал полиции… Да какой там капрал… сосунок… Хотя… если он из тех Ферье…

– Господа, произошло недоразумение, уверяю вас, я прямо сейчас пойду в полицию, отвечу на все вопросы. Что вы, мы все в этой таверне законопослушные галлийцы, верноподданные его величества и верные слуги его сиятельства, графа Амьенского.

– Не надо никуда ходить. Сейчас мы уйдем, а на наше место сядет полицейский сержант. И ему вы расскажете все, что он захочет услышать. Все, что знаете, о чем догадываетесь и даже то, что вам ночью приснилось. Потому что, если забудете рассказать хоть что-то, вы очень быстро окажетесь в долговой тюрьме. Навечно. И поверьте, камеры на солнечной стороне для вас не найдется.

Оставив трактирщика обдумывать открывшиеся перспективы, трое в сером ушли, а на их место сел крепкий черноволосый мужчина в простой кожаной куртке без каких-либо нашивок. Представляться мужчина посчитал излишним.

После долгого разговора мужчина встал, вышел из таверны и направился к ближайшему перекрестку, где, изнывая от нетерпения, стоял капрал Ферье.

Мужчина не стал говорить, что нельзя стоять столбом посреди улицы, что это привлекает внимание всех прохожих и зевак из соседних домов. Зачем? Профессиональной критики парню сегодня за глаза хватило. Поэтому просто

подошел, обнял за плечи и сказал:

– Молодец, хорошая работа.

И сразу как-то стала неважна и глупая драка с Полем Пифо, и предстоящий разговор с отцом, оставшимся недовольным тем, что пришлось тратить время на помощь недотепе сыну. Самым важным оказалась эта простая похвала простого полицейского сержанта.

Уже поздно вечером в кабинете полиции за бутылочкой вина, из которой в качестве поощрения был налит стакан и капралу Ферье, обсуждались перспективы дальнейшей работы.

Итак, найти то злосчастное письмо, которое вроде как искал сержант Вида, не удалось. Ни в доме Планеля, ни среди тех бумаг, что остались в конторке торговой гильдии, где работал Поль Пифо до сегодняшней эпической драки. Где теперь искать этого сорванца, умудрившегося не только сбежать из-под носа неких злодеев, но и умыкнуть красавицу Софи, было абсолютно непонятно.

Зачем искать? Тоже неясно. Зато ясно, что кого-то из этой парочки разыскивают люди весьма серьезные. И разыскивают тоже всерьез, раз не постеснялись ворваться в гостиницу в центре города, да еще до дрожи в коленках запугать ее хозяина.

Между прочим, командовал нападавшими, типичными обитателями городского дна, среднего роста черноволосый мужчина с правой рукой на перевязи и со шрамом на кисти левой руки. Трактирщик запомнил, что говорил он с резким кастильским акцентом.

– В гостиницу ворвались четверо. – Вида не столько рассказывал о разговоре с трактирщиком, сколько рассуждал вслух. – Сразу приставили нож к горлу охранника, заставили сказать, где остановились парень и девушка. Причем описали обоих подробно. Один остался с охранником, остальные рванули наверх, к комнате. Сразу дверь сломать не смогли – ребята что-то почувствовали и забаррикадировали ее кроватью. Когда ворвались в комнату, там уже никого не было – ушли через окно. Там высота метра три, так что, скорее всего, Поль спустил девушку на связанных простынях, а сам просто спрыгнул, прихватив простыни с собой. Преследователи прыгать вдогонку не решились, так что побег

удался. Затем их главарь прошел к трактирщику и пообещал спалить его заведение ко всем демонам, если кто-то из слуг вспомнит хоть что-то о произошедшем. Убедительно пообещал, во всяком случае, у бедолаги не возникло и тени сомнения, что именно так все и будет.

– Ну а нам-то до этого какое дело? – Тома лениво потянулся. – Нам надо лишь письмо найти, об остальном пусть другие заботятся.

– Не совсем так. – У Вида глаза заблестели в охотничьем азарте. – Если серьезные люди гоняются за этими ребятами, значит, кто-то из них что-то знает. Очень важное что-то. То, что спрятать можно только в могиле. Сам посуди, возможности для похищения у нападавших не было – все-таки почти центр города. Так что, если бы побег не удался, убили бы их, точно убили.

– Дружище, в этом городе убивают каждый день. Грабители – горожан, клиенты – несговорчивых проституток, дворяне – друг друга вообще не пойми за что. Спасать невинных – дело, конечно, благородное, но у нас, точнее, у тебя, есть дело, за которое с нас, точнее, с тебя, спросят. Ты уверен, что именно сейчас стоит отвлекаться?

Вида встал и пару минут задумчиво ходил по кабинету. Поль Пифо… четырнадцати лет, тря дня назад приехал из Парижа… Не тот ли это Поль, что ехал с ним в дилижансе, мечтал о море и парусах? И, кстати, спас ему жизнь. Демон! Никто толком не может его описать! Светло-русые волосы, и только. Рост? Обычный. Телосложение? Обычное. Лицо? Тоже обычное! Ни шрамов, ни родинок, и вообще, чего пристал с пустяками, сержант? Цвет глаз? Да кому они нужны, те глаза. Он что, девушка, чтобы мы ими любовались? М-да… а Тома ждет ответа…

– Спасать и защищать, вообще-то, это наша работа. Год назад на улицах этого города ты в этом не сомневался. С тех пор что-то изменилось? И потом, я не верю в совпадения. Вначале этот, с поломанной рукой, нападает на меня, потом – на того, кто нас интересует.

– Думаешь, это тот же человек?

– Похоже. Поймаем – спросим. А чтобы поймать, надо найти Пифо и Софи. Точнее – именно Софи. Кому нужен только что приехавший в город мальчишка? Так что

пошел я на поклон к его милости барону де Буко. Просить о помощи.

Большая квартира на улице Пекарей

– И где теперь их искать? Что здесь вообще происходит? Шевалье, я не понимаю! Этот мальчишка, которого мы посчитали олухом, опять ушел от наших идиотов, только на этот раз уже со шлюхой! Два юных голубка упорхнули, только что крылышками на прощанье не помахали. А ты, предводитель отребья? – дворянин обратился к крикливо одетому здоровяку, которого отчитывал здесь же пару дней назад. – Тебе за что платят, чучело?

– Так, господин, кто ж знал? Там же высота была метра четыре, кто ж с такой спрыгнуть может, да чтоб ног не переломать? Да вместе с девкой? Но вы не думайте…

– Что?! Мне не думать?! Уж не ты ли у нас тут думать собрался? Каким местом, интересно? Тебе, приятель, думать вредно, еще пронесет, не дай бог.

– Да вы, ваша милость, так уж сильно не расстраивайтесь. Куда они денутся? Так что не беспокойтесь, найдем мы девицу, да и того; ну, как обычно, в общем. Никто ничего и не увидит. Да и искать не будет: кому она нужна, шлюха? Мало их режут, что ли?

– Найдешь, но как? Где ее теперь искать?

– Да легко. Тот щенок, капрал полицейский, он нас к ней и приведет.

– Ну, если только он… Его-то хоть отработать сможешь, герой из подворотни?

Глава VIII

Следующим утром все полицейские Кале искали золотоволосую девушку в красном платье. Никто не понимал зачем, но искали серьезно, даже азартно –

господин барон обещали нашедшему целый динарий. Все без толку.

В запале умудрились не прогнать двух ярко разодетых цыганок, нахально лузгавших семечки прямо напротив здания полиции. С другой стороны, дамы вели себя необычайно смирно, не лезли к прохожим с гаданиями, не пытались продать заговоренные обереги и приворотные зелья.

Нападению, скоординированному и многократно отрепетированному, подвергся лишь Вида, когда, разочарованный впустую потраченным днем, отправился в гостиницу. Вот тут уж жрицы судьбы налетели как коршуны:

– Ай, молодой-красивый, постой-подожди, всю правду расскажу. Что было, что будет, чем сердце успокоится! Ай, не спеши, от судьбы уходишь. Из Амьена за счастьем приехал, а счастье здесь, рядом! Встреча тебе предстоит с красавицей! Глаза голубые, волосы золотые, ждет тебя не дождется! Да стой ты, наконец, дубина стоеросовая!

– Тихо! – Полицейский совершенно обалдел от яростно налетевшего пестрого вихря. – Какая красавица, где?

– Ой, яхонтовый, у нас она, в таборе, – цыганки заговорили спокойнее. – Ее красивый чаваро привел. Светловолосый, но наш, ромал – язык знает, законы знает. Попросил свою чаюри спрятать от лихих людей да тебя найти. Сказал, что ты большой начальник. Не соврал?

С ума сойти! По дороге Вида даже не смотрел, куда его ведут. Мысли были заняты юным попутчиком. Поль… тот или все же нет? Что он там рассказывал? Деревенский, но матушка вроде из городских, потому и читать-писать, даже считать умеет. Выбить палкой нож? Тоже ладно, небось, палка для селянина штука привычная.

Остановить кровь? И это не вершина учености, чай с косами да серпами всякое случается, а с поля бедолагу надо еще и до знахарки довезти, чтобы рану зашить. Так что все вроде складывается. Правда, та записка под жгутом, что врача в восторг привела… этому в деревнях точно не учат. Но мало ли, парень молодой, память хорошая, услыхал где-то да запомнил.

Но чтобы с цыганами по-ихнему разговаривать?! А эти пестрые вертихвостки говорят, что он еще и обычаи их знает… нет, это точно не тот Поль. Тогда кто красавицу Софи в табор привел? Откуда взялся? Вот его и надо найти. А Пифо потом поинтересуемся, когда время будет.

В таборе Вида вначале провели в шатер к пожилому цыгану, которого больше всего волновало, не будет ли проблем у ромал из-за этой истории. Вроде как цыганский закон требует своим помогать, но он же и не велит влезать в дела гаджо. Слишком плохо это всегда заканчивается. Так что, господин сержант, хотелось бы иметь компенсацию за беспокойство, и лучше – золотом. Или серебром, на худой конец. А где его взять? Чай, сержант не генерал, деньгами не распоряжается.

– Ты это о чем сейчас?! – Первой мыслью было наорать на чернявого, запугать. Да что он там вообще себе позволяет?! С кем торговаться смеет?

Лет десять назад сержант бы ему показал, где раки зимуют. Ага, именно как Ажан, в смысле виконт, короче, как он говорит. Поправка. Десять лет назад Вида сержантом не был, и этот барон, а это очевидно барон, хоть и цыганский, с ним даже и разговаривать бы не стал. Да и жизнь за эти десять лет била всячески, особенно последние три года. Так что прячем свои амбиции в карман. Действительно, надо договариваться. Вида примиряюще раскрыл ладони.

– Хорошо, уважаемый, давайте обсудим. Как я понял, вы приютили некую девицу, которую сейчас вся полиция разыскивает. Нет-нет, она не преступница, просто с ней надо поговорить, и да, она в опасности. Так что благодарности вы действительно заслуживаете. Но вот деньги… ну откуда они у меня? Я ж простой сержант, всего и могу – начальникам передать, а уж как они решат – того гарантировать не могу.

– Годится! – неожиданно легко согласился цыган. – Мне тут одна птичка напела, что если сержант Вида свое начальство попросит, оно ему точно не откажет. Так как, обещаешь? Похлопотать? А?

– Обещаю.

Сказано было уверенно, хоть и в полном обалдении. Вида вообще в последние дни в этом состоянии частенько оказывался, даже привыкать стал, как к насморку.

– Это что же за птичка такая? И, кстати, как твои яхонтовые красавицы меня узнали? Я не граф, не епископ, я вообще в этом городе только три дня.

– Ну что вы, господин сержант, это вы здесь три дня, так и табор здесь всего две недели стоит. Мы цыгане – по всей земле кочуем, границ не замечаем. Приходилось и в Амьене бывать, а уж там-то вас каждая собака знает.

По честным, абсолютно незамутненным даже каплей лжи глазам цыгана было абсолютно понятно, что говорит он чистейшую правду. Поверить в которую полицейскому не позволял весь его богатый опыт.

Но тот же опыт и подсказывал, что пытаться сейчас что-либо выведать – занятие глупое. Только себя на посмешище выставлять.

– Ну, раз я такой знаменитый, – Вида не удержался от шпильки, – тогда знакомьте меня с очаровательной Софи. Только поговорить нам надо с глазу на глаз, есть вещи, которые даже цыганам лучше не слышать. Я понятно объяснил?

Вот это уже было сказано твердо. Настолько твердо, что у барона не возникло и тени сомнения – есть знания, которые опасны. Смертельно.

– Разумеется, господин сержант, разговаривайте здесь, – ответил цыган, откидывая полог. – Можете быть уверены, ближе пятидесяти метров к шатру не то что ни один ромал не подойдет – ни одна мышь не подберется.

В одиночестве Вида оставался пару минут. Затем в шатер вошла красавица. При свете свечей растрепанные золотые волосы Софи отливали красным. В измятом, с изгвазданным грязью подолом платье она умудрялась выглядеть как урожденная аристократка. Тот же твердый взгляд, прямая спина и гордо поднятая голова.

– Здравствуйте, господин Вида. У вас ко мне вопросы?

– С твоего позволения, Софи. Присаживайся. Разговор у нас будет долгим, а спешить нам с тобой некуда.

Они закончили беседу часа через два, когда ночь накрыла и табор, и засыпающий город, и тихое, словно тоже уснувшее море. Вокруг запылали костры, где-то зазвенела гитара, подыгрывая цыганской песне, спокойной и протяжной, как бескрайный путь этого бесконечно кочующего народа.

Сержанта интересовало все, вплоть до самых нескромных мелочей, обсуждать которые было противно обоим. В основном все сказанное оказалось бесполезным, но, не перерыв эту кучу дерьма, не удалось бы найти так необходимые полицейскому золотые крупинки.

У Софи имеется постоянный клиент, некий идальго дон Венкеслас де Садаба. Вроде как кастилец, во всяком случае, черноволос, кареглаз, смугл и говорит с заметным акцентом. Среднего роста, худой, но крепкий – как разденется, мышцы канатами перекатываются. Чем занимается в Кале? Ну кто ж со шлюхой дела обсуждает? Хотя поболтать «между делом» он и любит, говорит, что так ему интереснее. Ну да тут уж кому как нравится, ее работа – услужить.

О чем болтали? Так девушка же около торговой гильдии трется, соответственно, и клиенты ее оттуда. Нет, конкретно о купцах де Садаба не спрашивал, но случается же что-то интересное и забавное, о чем не грех и посудачить со старым знакомым. Насколько старым? Лет около сорока. Ах, в этом смысле? Да уж пару лет как. Он же и посоветовал когда-то начинающей проститутке обосноваться у торговой гильдии под видом цветочницы. А что, и клиенты богатые, и полиция не решается обирать… ой, извините, господин сержант, я хотела сказать – мешать заработку. Нет, правда, стоит себе девушка, цветами торгует, ну, вы понимаете.

Легрос? Какой Легрос? Ах, Реми… было дело, рассказала тогда о его шутке. Той самой, о тайне отплывших кораблей. Шевалье тогда так хохотал! Потом? Да, расспрашивал, чем Реми занимается. Конечно, знала. С Реми частенько болтали, он рассказывал, что ведет учет тех кораблей, что приходят в порт. Откуда пришли, куда ушли, с каким товаром, когда в порт назначения прибыли. Вот.

А потом, после того как это рассказала, дон Венкеслас заторопился, вроде бы дела у него какие-то срочные образовались. Нет, до этого никуда не спешил, а

тут сразу о срочных делах вспомнил. Ну да мне-то что, деньги заплати и спеши куда хочешь.

Что еще? Домой идальго не водил, все в гостиницах это… Разных гостиницах, но чаще в «Старом боцмане».

Так вот… последний раз он встретил Софи позавчера в порту, сказал, что его приятеля надо обслужить. А какой тот приятель – типичный бандит. Грязный, потный, рука у него еще на перевязи, не иначе как в драке порезали. Но заплатил хорошо, это да. Нет, приятель ни о чем не спрашивал, даже не представился. Всю ночь… ну, вы понимаете. И откуда у него столько сил?

Пожалуй, все. А, вот еще! Пару раз случайно видела де Садабу выходящим из одного дома на улице Пекарей. Такой желтый, двухэтажный, он там один такой. И выходил из того подъезда, что ближе к морю. Софи, скорее всего, не видел – та далеко стояла, да он в ее сторону и не поворачивался. Обычно-то как увидит – здоровается. Вежливый.

Вот и все, что удалось узнать. Но только чтобы все это свелось в связную историю, пришлось выслушать столько и такого, что к концу разговора сержанту захотелось искупаться и одежду сменить. Словно в грязи вывалялся, честное слово.

А девчонка – молодец, хоть и шлюха. Рассказывает подробно, на вопросы отвечает обстоятельно. М-да… Если б не ее занятие, можно было б к хорошему жениху пристроить, есть у Вида такой на примете. Ну да что ж теперь.

– Софи, тебя же сюда Поль привел?

– Да, точно. Вообще, странный он. Вначале заставил из окна гостиницы по связанным простыням вылезти. Потом вместе с теми же простынями сам спрыгнул. Да как-то еще и на земле кувыркнулся, я уж думала – все, или шею себе свернул, или сломал чего, а ему хоть бы хны. Скатал простыни в тюк и пошел как ни в чем не бывало. Нет, к нам никто не ломился, только постучался слуга, предложил вина. Так Поль дверь кроватью зачем-то перекрыл, а сам на ней качаться начал, чтоб скрипела, словно мы… ну, вы понимаете. После, уже как слуга ушел, он и заставил меня в окно лезть. Я сперва отказалась, а он так на меня зыркнул – ноги сами к окну понесли. Страшно не было, но дурой себя

чувствовала полной. На глазах у людей, да еще и юбка задралась, вот ведь срам какой.

– А сейчас он где?

– Так сразу в гильдию свою и ушел. С цыганами о чем-то поговорил да и ушел. Сказал, что работа сама себя не сделает. Ой, забыла совсем, просил вам передать, чтобы полиция его не дергала. Мол, чем мог он помог, а если купцы увидят, что он с полицией якшается, выгонят. На что тогда жить?

Когда уже темной ночью Вида вышел из шатра, вокруг горели костры, у которых сидели молодые цыгане. Но никого не было ближе пятидесяти метров. Где-то в отдалении звенела гитара и звучала тягучая песня, такая естественная в этом ночном спокойствии.

Какой-то паренек, увидев сержанта, метнулся к одной из кибиток, из которой почти сразу, подтягивая на ходу красные шелковые штаны, выбрался барон.

– Закончили?

– Да, теперь пойдем в город, спасибо за помощь. Факел, надеюсь, для нас найдется?

Идти по ночному лесу страшно. Факел освещает лишь два-три метра вокруг тебя, зато дальше – черная стена. Чистый, пахнущий прелой листвой и молодой, только-только пробивающейся травой воздух, чистое безлунное небо, по которому Спаситель раскидал мириады сверкающих, чуть дрожащих звезд – все это сейчас не имеет значения. Тишина? О да, она-то сейчас главная. Потому что лишь усиливает страх.

Вот где-то недалеко что-то хрустнуло. Безобидная лисичка ловит мышей? Или старый секач наступил на ветку? Или матерый волк охотится и на лису, и на кабана, да и одинокими путниками закусить не откажется? Выскочит бесшумной тенью из черноты – не то что за шпагу схватиться, крикнуть не успеешь.

Но куда опасней звери двуногие. Те, что на четырех, человека все же боятся, стараются сами убраться с его дороги. А вот люди, что, затаясь в ночи, рассматривают тебя, как рассматривает дровосек огромный дуб, не думая о его величии, а лишь прикидывая, сколько денег он получит за древесину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grishin_aleksey/vybor-iz-hudshego

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити